

ВАСИЛИЎ МОСКОВСКИЙ

СКАЗКИ ДАЛЁКОГО
БУДУЩЕГО

18+

Василий Московский

Сказки далёкого будущего

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69977698

SelfPub; 2023

Аннотация

Истории, как осколки витражей, каждый из которых рассказывает свою историю. Историю, принесённую солнечным ветром с далёких звёзд. Историю о мирах, в которых жизни приходится пробивать себе путь сквозь руины. Истории, о мирах, пожираемых пламенем умирающих звёзд, о мирах, которыми правят древние, могучие существа, непонятные человеку. Каждая история – это кусочек мозаики, складывающийся в единое, многоцветное полотно.

Содержание

Ковчег	4
Последний Шанс	16
Рыцари Ядерного Грааля	22
Человеческий Поступок	33
Человеческое Тепло	36
Монастырь	42
Цена Мечты	51
Доброй Охоты	82
Левиафан	89

Василий Московский

Сказки далёкого будущего

Ковчег

Воздух окутывал плотным, тяжёлым одеялом. Давил. Душил. Стискивал в липких, влажноватых объятиях. Не помогала даже система кондиционирования, которая уже начинала барахлить. Да и зачем она уже нужна – все равно бункер в скором времени превратится в одну огромную печь крематория, в склеп, в котором, в удушливом жару, задохнутся последние двести человек.

Антон закрыл крышку портативного компьютера. Провел по лбу тыльной стороной ладони, стирая испарину. В голове мутилось. Тело наливалось противной свинцовой тяжестью. Хотелось зевать. Не хотелось двигаться. Что хуже всего, мысли путались и мешались в голове. А, ведь, он был уже так близок к цели. Работа летела к концу. Оставалось только завершить код и приступить к воплощению замысла. Как же хотелось, чтобы все поскорее кончилось. Провонявшая потом майка липла к исхудавшему ссутуленому телу. Так же и штаны. Босые ноги – это были ступни не тридцатилетнего мужчины, а мальчика-подростка, – касались гладкого бетонного пола, давно уже утратившего приятную прохладу. Все

вокруг пронизывало удушливое, вязкое, влажное тепло, провонявшее человеческими телами и их выделениями, и грязной одеждой.

А на поверхности свирепствовал жар умирающего Солнца. Словно люди, оно ощущало неотвратимость приближающейся гибели. Словно люди, из последних жалких сил боролось с отчаянием и кричало, надрывно выло, исторгая волны убийственного красного жара, тщетно взывая о помощи и милосердии.

Раздался скрип пружин. Тихий полувздых, полустон.

Аня.

Антон повернулся к ней. Призрак. Тень человека...и, наверное, когда-то можно было бы сказать, красивого человека. Как могло бы быть. Спутанные светлые волосы, липнущие к бледному, обтянутому кожей, точно рисовой бумагой, черепу. Тонкие, бледные, сухие губы. Рубашка, липнущая к костлявому телу, распахнутая на груди. Раньше такой вид сочли бы вызывающим, или бесстыдным... Но теперь уже было не до условностей. Иссохшая грудь едва вздымалась, исторгая отрывистые хрипы. Голые ноги, тощие бедра, обтянутые кожей колени, напоминали тонкие ветви сухого дерева, так же как и руки...это были руки скелета, по насмешливой случайности, ещё живого.

Антон мучительно медленно протянул руку к термосу с водой. С напрягом придвинул к себе. Медленно, медленно, напрягая последние силы, встряхнул. Внутри соблазнитель-

но булькнуло. Вода. Даже ещё прохладная. Ане должно хватить. А ему хватит и губы смочить до следующего пайка.

Вода в бункере кончалась. То, что удавалось собрать из конденсаторов, было катастрофически мало.

Но это уже никого не волновало.

Антон с усилием встал. Взял железную кружку, и налил воды на доньшко. Сухое горло горело. Инстинкт бешеным зверем вцепился в него. Он едва подавил импульс сделать глоток.

Он подошёл к кровати, на которой бессильно, сломанной куклой лежала Аня, и, приподняв ей голову, дал воды.

Девушка немного ожила.

Облизав губы, она хрипло спросила:

– Не спал?

У Антона были силы только покачать головой.

Аня бессильно опустила голову на мокрую от пота подушку.

– Ты умрёшь раньше всех.

– Мне нельзя, – тихо сказал Антон, не узнавая своего голоса. – Я должен закончить работу.

– Твоя модель?

Антон кивнул.

– Ты как одержимый, – тихо сказала она. То, что некогда было ее лицом исказило что-то, что можно было бы назвать улыбкой. Антону это нравилось. Голубые глаза Ани тогда наполнялись светом, и она становилась красивее. – Пытаешься

докопаться до сути мироздания. А мы все равно все умрем. Зачем?

– Мне кажется, если все получится, – терпеливо объяснил Антон, присаживаясь рядом, – Тогда, мы спасемся. Мы шагнем вперёд. Эволюционно. Сможем сбросить с себя бремя наших тел, преодолеть нашу слабость и уязвимость. Преодолеть время и пространство. Слиться со Вселенной. Самим стать Вселенной. Тогда мы шагнем в бессмертие.

Аня улыбалась. Ласково положила бледную, костлявую кисть ему на колено. Антон нежно укрыл ее руку своей – тощей, как у старика, с нестриженными ногтями.

– Ты романтик. Наверное, последний...

Романтик? Антон не знал...

Сколько себя помнил, Антон жил в бункере. Видел, как менялись люди. Как сплочённость, замешанная на надежде, сменилась разнузданной вседозволенностью и правом сильного. Как это карликовое общество разделилось на враждующие, неустойчивые группировки, грызущиеся друг с другом. Как нарастал хаос и безумие, когда человек становился для человека злейшим врагом. Как люди убивали друг друга. Издевались друг над другом просто так, ради забавы. Как вырывали друг у друга воду, консервы. Он видел как людей выгоняли на поверхность. Часто по ночам он слышал вопли несчастных...

Кстати, именно тогда он и подобрал Аню. Ее хотели убить, как самую слабую и больную, чтобы не переводить на нее еду

и воду. А Антон не дал. Взял под свое шефство. Он был одним из инженеров, которые чинили конденсаторы, следили за кондиционирующими установками и электроснабжением, и поэтому его немного уважали и не трогали. Даже в безумии анархии понимали, что есть вещи, в которые лучше не вмешиваться, если хочешь выжить. Поэтому, хоть и посмеялись над ним, но трогать не стали.

– Не буду спрашивать, зачем тебе эта дохлая сучка, – со смехом сказал тогда главарь банды, – Хочешь, забирай себе. Но не рассчитывай на харчи. Корми и пои ее сам, как знаешь.

И больше его не трогали.

А, тем временем, их пародийный мирок все больше сходил с ума. Тут и там появлялись безумцы, которые портили системы жизнеобеспечения. Портили еду. Сливали воду. Резали себе вены. Резались. Стрелялись. Поджигали себя живём, превращаясь в живые факелы. Калечили себя. Выкрикивали такое, от чего кровь стыда в жилах. Призывали покаяться. Или завывали о том, что Бог их всех покинул...

И число безумцев увеличивалось.

И их убивали... сначала с ужасом перед их заразным безумием. Перед тем, во что превращается человек, теряя остатки достоинства. С чувством брезгливой жалости и отвращения. А потом, просто... как надоедливых насекомых.

Антон видел, как некоторые рвались на поверхность. Они бормотали что-то о прощании с солнцем. Они кричали и вырывались, когда их пытались остановить...

И такие пугали Антона больше всего... пугали своей тупой обречённостью. Своей жуткой сосредоточенностью и одержимой целеустремлённостью. Как маленькие грызуны из прошлого, что временами, поддаваясь всеобщей истерии, стайками неслись к водам ещё живых тогда морей и бросались навстречу своей гибели...

Антон думал, что бункер сожрёт сам себя. Но, внезапно, эпидемия безумия прекратилась.

Люди словно выгорели. Наступило что-то вроде тупого оцепенения и апатии. Бессильное, смиренное отчаяние перед неотвратимостью мучительного конца.

Только Антон продолжал вести расчеты. Продолжал брать нужные детали. Продолжал конструировать...

Он бросил взгляд на высокую конструкцию у стены, напоминающую овальную рамку зеркала без стекла, поблескивающую в тусклом освещении.

– Завтра... завтра должно быть готово.

Аня хотела что-то сказать. Но, не стала. То ли сил не хватило. То ли просто не захотела его огорчать.

Он и сам почти потерял веру. И частенько задумывался о том, а не ошибся ли он? Он считал себя одним из тех, кто сохранил рассудок во всеобщем сумасшествии и помешательстве. Может быть, это иллюзия, и он тоже сошел с ума? Только, по-своему.

От этих мыслей хотелось плакать.

Шаркающие шаги.

– Антон? Привет, Аня!

Он поднял глаза.

Перед ним стоял ссутулившийся человек с лицом, напоминающим восковую маску. Редкая щетина. Спутанные колтуны темных волос и лихорадочно блестящие глаза. Петр.

Антон движением головы велел говорить дальше.

– Я тут ищу... – Петр показал термос. – Я бы не стал просить...но Маше очень плохо. Можешь помочь?...если нет, я пойму...не волнуйся...просто больше ни у кого нет... Маша давно уже не спит...лихорадит ее...

Вот так всегда. Петр всегда был таким. Человеком, который ухитрялся удариться обо все выступающие углы, потерять все, что можно было потерять и собрать на свою голову все несчастья, которые только можно собрать. Но, человека добрее и умнее, способного в два счета устранить поломку и определить неисправность, или достать нужные инструменты и детали для Антоновой машины, ещё стоило поискать. И Петр был единственным, кто искренне верил в работу Антона и старался помочь.

И именно он назвал машину Антона Ковчегом. По образу древнего Ковчега, что спас людей во время Всемирного Потопа в незапамятные времена. И если тот Ковчег спас живых существ от воды, то этот спасет от огня. От огненного потопа...

Антон посмотрел на Аню.

Аня ответила движением век.

Антон встал, взял термос Петра, подошёл к столу и отлил воды другу.

– Вот, спасибо, Антон...не забуду...

– Сам-то попей. У тебя глаза больные, – хрипло проговорил Антон.

Петр отмахнулся. Его качнуло. Антон подхватил его под руку.

– Провожу тебя, – сказал он.

Они вышли в коридор между блоками. Тут, на полу лежали люди. Мужчины. Женщины. Точнее, лишь оболочки людей, по странной случайности продолжающие дышать и чувствовать. Жить. Они тупо пялились в полумрак. У многих не хватало сил даже на то, чтобы проводить друзей взглядом.

– Как твой Ковчег? – спросил Петр.

– Осталось совсем немного. Скоро буду опробировать.

– Ты веришь, что все получилось? – в вопросе, скорее, звучала надежда, чем апатичное недоверие.

– Не знаю. А что мне остаётся?

Петр тяжело вздохнул, силясь глотнуть больше воздуха в сдавленные лёгкие:

– Тяжко... – Он посмотрел на женщину, в лёгкой майке и мешковатых штанах, лежащую у стены. Интересно, она жива ещё? Петр горько всхлипнул. – Ты подумай... Знали же, что такое с нашим солнцем будет, что выгорит водород, выродится в гелий... И было у нас время, чтобы подготовиться. Настроить таких, вот, Ковчегов. Или же тупо лететь осваи-

вать другие планеты... Помогать друг другу... Так нет же... Все истратили на войны... На уничтожение друг друга... На ракеты... На яды... На заразу... На то, чтобы было такое оружие, которое бы больше убивало людей... И на новый способ мучительства и истязания друг друга. А смерть вот она... Всех нас накрыла... И по сравнению с этим, все наши ракеты смешны... Палки да камни неандертальцев против огня поядющего... И деваться от неё некуда...

Мысли маленького ребенка. Но Антон не мог с ними не согласиться.

Антон довел его до койки. На соседней лежала истощенная, сточенная лихорадкой до костей, женщина. Она тяжело и прерывисто дышала. Так же, как и Аня. Странно, ведь, женщины должны быть выносливее... а страдали больше всех они...

Что мы с собой сделали?!

Антон попрощался с Петром и вернулся к себе.

Аня спала. Но и сон ее был удушливым и тяжёлым.

Ничего, потерпи, родная!

Антон сел за компьютер. Он не заметил, сколько времени прошло с тех пор, как он поставил последний символ кода.

Пора...

Трясущимися руками он проверил прочность конструкций и надёжность подключений.

Три раза вдохнул и выдохнул.

Он никогда не мог назвать себя верующим человеком, но

сейчас, он начал молиться. Как умел...

Медленно-медленно, он подошёл к своему компьютеру и подключил его к Ковчегу.

Странная получалась конструкция. Оставшийся со старых времён сверхмощный компьютер, сопряжённых со сложной установкой, которая оттянет на себя все ресурсы бункера. Ну если ничего не получится! Тогда отключатся все системы жизнеобеспечения. Налаживать их будет очень трудно, если вообще получится. И, тогда, бункер превратится в склеп. Хотя...может, это и к лучшему...может, это лучше, чем сгореть, или свариться заживо?

Раздался протяжный гул.

Мгновение, и погас свет. Судорожно вздохнула Аня.

Послышались крики ужаса и гнева – слабо, приглушённо. Недовольно и испуганно кричали люди, внезапно оказавшиеся в крошечной мгле. Значит, вышли из строя фильтры, кондиционеры, конденсаторы...

Сердце пропустило удар. Все...конец...и виноват в этом он. Самовлюблённый идиот...

Может сразу перерезать себе вены? Нет...он все это заварил, он и ответит перед людьми!

А затем, на стене, где стояла рамка, опутанная проволоками проводников, развернулось полотно серебристо-голубого сияния.

– Получилось! Ты смог! – последние слова Аня почти выкрикнула в безумной радости.

Гул нарастал. Ширилось и разбухало сияние.

Голубой свет коснулся лица Антона.

Далеко впереди перед ним расстилалась безграничная синь, насколько хватало глаз. Мимо проплывали лёгкие перистые облака... прохладная, мягкая влага. В лёгкие лился свежий, прохладный, наполненный влагой воздух. В лицо бил прохладный ветер, лаская кожу. Далеко внизу расстилались изумрудные леса и доли, прорезанные горными цепями с заснеженными вершинами. Зеркалами сверкала водная гладь рек, озёр и морей. А над головой, в бесконечной сини, сверкало полотно звёзд и тонкий серпик утренней луны.

И это был не предел. Он знал, что там далеко, за горизонтом, есть ещё миры, планеты, звёзды. Больше нет преград. Больше нет ограничений. Теперь они все станут по-настоящему свободны...

Единственное, чего он боялся, что все это окажется не более чем лихорадочным сном.

Антон встал. Подошёл к Ане. Она приподнялась на локте, едва держалась. Она почти обезумела от радости – это было видно по глазам. Потому что не было даже слез, чтобы плакать от радости.

Антон бережно взял ее на руки.

– Не надо, – сказала она. – Просто, помоги...

Опираясь на его руку, они встали перед пульсирующим голубым сиянием.

Аня обняла Антона, положив голову ему на грудь.

Синее сияние постепенно наполняло отсек. Оно ширилось, затапливало бункер.

Постепенно вокруг собирались люди. Неотрывно они смотрели в синюю даль, расстилающуюся перед ними. Радость не было сил. Люди просто обнимались и терпеливо ждали.

Они были спасены...

Последний Шанс

– Пожалуйста, постойте! Послушайте! Времени осталось совсем мало!

Он в отчаянии протягивал руки к проходящим мимо людям. Они шли мимо, так, будто его и не существовало вовсе. Он не винил их. Он понимал, что выглядит, мягко выражаясь, странно: растрёпанный, с горящими глазами, в странной, непохожей ни на кого, одежде. Для них он просто городской сумасшедший, которого накрыло обострение. Но они должны были знать!

Люди проходили мимо. Кто-то смотрел на него с нескрываемым презрением. Кто-то стыдливо прятал глаза. Кто-то смотрел с сочувствием.

Неужели они не понимают?! Не видят? Не слышат? Не чувствуют?

Да и откуда им? Когда-то, ведь, и он ничем не отличался от этих людей, и точно так же не обратил бы внимание на странного молодого человека в потёртой одежде, судорожно бормочущего что-то бессвязное и странное с навязчивым привкусом почти животного ужаса. Ведь, когда-то и он считал, что впереди вся жизнь, и будущее в его руках.

– Постойте! – он схватил проходящую мимо девушку за руку. – Скажите своим близким, друзьям и родным! Времени почти нет! Никакого “потом” не будет! Живите! Сделай-

те то, что для вас важно именно сейчас! Потому что другого шанса не будет! Жизнь может оборваться в любой момент! У всех нас! Ядерному взрыву плевать на все ваши мечты и чаяния! Цените то, что у Вас есть! Не откладывайте ничего! Потому что потом может быть только огненный шторм и смерть!

Девушка смотрела на него будто заворожённая. В её широко распахнутых тёмных глазах отчётливо читались испуг и непонимание.

– А ну, отвали! – удар в лицо опрокинул его на прогретый асфальт. Он застонал, обхватив лицо руками.

– Чтоб бомжара вонючий к моей девушке лез! – прозвучал злой мужской голос, – Протрезвей, урод! Пошли отсюда!

Он не выдержал: разрыдался. Разрыдался в голос, как ребёнок, от боли, ужаса, отчаяния и бессилия что-либо изменить.

Перед глазами проносилась его жизнь. Улыбка мамы. Перепачканные краской руки. Гордая улыбка отца. Запах малинового варенья в деревенском доме у бабушки. Мелодичный голос деда, звуки аккордеона. Тёплый вечер. Первые звёзды на глубокой синеве. Университет. Дерзкие мечты стать великим художником и нести в мир свет и красоту. Незабываемый взгляд синих глаз девушки, похитившей его сердце. Творчество и работа – мечта стать художником...

Тогда он тоже думал – всё потом, потом, успею.

А “потом” так и не случилось. Настал тот самый, страш-

ный, день...

Солнце заливало улицы пьянящим теплом. Дул лёгкий, освежающий ветер. Люди спешили по своим делам. Он был беззаботен и полон счастья, хотя, тогда даже не подозревал об этом. Летняя нега оборвалась внезапно. Раскололась от воя сирены. Страшного, пронзительного, протяжного.

А потом был яркий свет. Режущий глаза. Жгучий. И ещё – что он успел уловить, – набухающий огненный гриб в поднебесье.

Всё...конец...

А, ведь, он так и не успел зайти к родителям. Не сказал девушке, что любит её. Не встретился с другом, как обещал – всё переносил встречу. Не зашёл проведать старенькую тётку, хотя уже давно собирался. И где-то в пыльном углу квартиры лежала картина – недовершённый труд, очень ему важный, но завершение которого он всё откладывал. Всё думал, потом, ещё придёт время...

И оно пришло... Безжалостно перечёркивая его жизнь и обрывая все нити.

Если бы он знал раньше!

Очнулся он посреди улицы.

Был тёплый, летний день. Солнце разбрызгивало блики по витринам магазинов, смеялось отблесками света и ласкового тепла. Дул тёплый, солнечный ветер, развевающий лёгкие платяца девушек, невидимыми ладошками глядя разгорячённую кожу, будто успокаивая. Шумела липовая аллея.

Шумел город вокруг. И люди, занятые своими мыслями и заботами, своими огорчениями, неудачами, победами и счастьем. Они не знали... И каждый из них думал, что всё ещё впереди.

Отчаяние, безумная надежда и возбуждение охватили его. Надо предупредить всех! Надо дать знать! Рассказать о том, что видел он! Может, им будет не так горько, как ему тогда! А, может быть, он даст нужный импульс, который разойдётся по пространству-времени, и люди изменятся, страшное будущее удастся отменить и изменить! Так он и начал свою горячую проповедь, взывая к прохожим. Люди! Одумайтесь! Жизнь – не черновик и не зарисовка в блокноте! Никакого “потом” не будет! Живите сейчас, не откладывая жизнь до лучших времён!

Но его не слушали. Кто-то откровенно крутил пальцем у виска. Кто-то смотрел с жалостью. Они не понимали... не слышали и не хотели слышать...

И, теперь, он лежал, свернувшись в комок, и плакал. Горько плакал от отчаяния и бессилия.

А, может быть, он и вправду сумасшедший? Может, привиделось ему всё?

– Гражданин, вам помочь? – добрый, нежный девичий голос над ним.

Он поднял глаза и увидел миниатюрную, тоненькую, голубоглазую и светловолосую девушку в платице в цветочек. Рядом с ней стоял худой молодой человек в бежевой рубашке

с короткими рукавами и белых парусиновых брюках. Тоже смотрел с состраданием. А он будто бы смотрелся в зеркало, и видел в нём отражение собственной жизни, какой она могла бы быть. Девушка была точной копией той, которую он так любил. И парень... ах, он помнил... тот же кареглазый шатен с мечтательным взглядом... каким он был когда-то...

– Спасибо, ребята. – всхлипнул он. – Я просто, очень устал.

– Вам есть, куда идти? Скорую вызвать? – девушка помогла своему молодому человеку поднять его. Руки у неё были нежные, но сильные. – У вас кровь...

– Не нужно, спасибо, ребята, – он улыбнулся сквозь слёзы. – Не волнуйтесь. Я тут на лавочке посижу. И всё пройдёт.

Пара помогла ему добрести до лавочки в тени под липой.

– Спасибо, ребята, – поблагодарил он, когда сел. И добавил, осторожно, но настойчиво, чтобы хоть как-то дать им знать. – Помните одну очень важную вещь! Берегите друг друга. Цените то, что у вас есть. И никогда не откладывайте то, что можете и хотите сделать. Берегите и наслаждайтесь каждый мгновением, близкими, жизнью. Нет ничего досаднее, чем упустить что-то очень важное, решив, что жизнь можно перепрожить. Перепрожить жизнь нельзя. Любите и цените друг друга и мир вокруг. Тогда и жалеть ни о чём не придётся. Поверьте, я знаю, о чём говорю...

Парень и девушка переглянулись. Он боялся, что и эти прекрасные молодые люди сочтут его сумасшедшим, или

пьяницей в белой горячке. Но, нет... В их взгляде не было и тени сомнения, недоверия, брезгливости, или разочарования. Они серьёзно смотрели на него и внимательно слушали.

Тогда, девушка сказала:

– Спасибо вам!

И, убедившись, что ему лучше, пара ушла, рука об руку.

Проводив их взглядом, он устало облокотился на спинку скамейки.

Над головой шелестели липы. Перед ним дети играли в салки. Он закрыл глаза и с наслаждением подставил лицо ветру, растворившись в шуме городской суеты, шёпоте ветра и детском смехе.

Может быть, ещё не всё потеряно?

Рыцари Ядерного Грааля

– Интересно, а сколько ещё продлится ночь?

– Что за дебильный вопрос?! – проворчал Следопыт, но, затем, смягчившись, вздохнул: – Высоколобые наши говорили, что около года... Долбанули-то люди друг друга знатно...

– Как думаешь... будет вообще рассвет?

– Етить-колотить! Тебе что, радиация мозг поправила? Хрень какую-то спрашиваешь! Лучше бы подумал о том, как затариться и до дома добраться, если буря не кончится!

За обшарпанной бетонной стеной глухо выло и грохотало. Будто бесновался сорвавшийся с цепи бешеный зверь.

– На этот раз мы отошли от Убежища дальше, чем обычно, и ещё не всё отыскали.

Чиж покачал головой. Находить припасы было все тяжелее. Окрестности вокруг бункера были уже давно обшарены сталкерами и вдоль и поперек. Теперь, чтобы найти еду, лекарства, оружие и топливо, приходилось уходить все дальше от убежища. Все дальше во тьму, окутывающую выжженную землю и руины, над которыми завывал горький, пропахший гарью и пеплом ветер. Никто не знал, что таили в себе изрытые взрывами и изъеденные пожарами руины бывшего мегаполиса. Сталкера, вернувшиеся с охоты рассказывали всякое. Говорили о чудовищах, рыскающих в лабиринтах разрушенных зданий и затаившихся в заполненных отравлен-

ной водой ямах. Или о местах, где сходит с ума пространство и время, а тени былого обретают плоть и пытаются затянуть в свои омуты живых. Или о других людях... Голодных, озлобленных, испуганных, или помешанных. Никогда не знаешь, что ждёт тебя при внезапной встрече с себе подобным в непроглядной мгле мёртвого города. Тебе могут протянуть руку помощи, если ты нуждаешься. С тобой могут обменяться добычей. Тебя могут попытаться убить за эту добычу. А может...ты и сам покажешься более ценной добычей. И этим рассказам Чиж верил больше, чем байкам об аномалиях и мутантах, рыскающих в беспросветной мгле города-призрака.

Следопыт, кстати, лучший сталкер Убежища, именно на людей и напоролся. И именно люди – бешеная толпа голодных обезображенных безумцев, – разорвала компаньона Следопыта, Коршуна. Тот успел затолкать ещё молодого тогда Следопыта за железную дверь подвала, а сам увёл преследователей подальше от молодого компаньона и в последний момент взорвал связку гранат. С тех пор Следопыт и работает один. И Чижа брать в попутчики, по-началу, не хотел. Да, видимо, одиночество не тетка, да и Следопыт со временем не молодедел...

За стеной по-прежнему бушевала буря. Следопыт с досадой пнул кусок отколовшейся плитки и плюхнулся на пол рядом с Чижом.

– Видно, застряли мы тут, – голос сталкера звучал глухо

из-за противогаза. – Чё тут с фоном? Проверь ещё раз?

Чиж глянул на счётчик Гейгера.

– В порядке.

– Уххххх, – Следопыт снял противогаз. Поставленный на пол фонарик осветил худое лицо с благородными чертами и орлиным носом, точёное, иссеченное морщинами. – Упарился.

Чиж последовал примеру товарища. Почувствовать прохладу на лице, пусть и отдающую пылью и горечью, было истинным наслаждением.

– Ну, – нарушил молчание Следопыт, – расскажи что в последней книге вычитал.

Эта самая последняя книга была подарком на "днюху" Чижу от Следопыта. Как говаривал Следопыт, не каждому дано так долго выдержать его "пробежки", да ещё и ворчание, а Чиж держался молодцом. Но, Чиж-то знал, что старому сталкеру, на самом деле, очень не хватало человеческого общения. Семьи... А это понимание делало подарок вдвойне ценным.

И Чиж прочитал, что запомнилось:

Перепутал карты я пасьянса,

Ключ иссяк, и русло пусто ныне.

Взор пленён садами Иль-де-Франса,

А душа тоскует по пустыне.

Бродит осень парками Версаля,
Вся закатным заревом объята...
Мне же снятся рыцари Грааля
На скалах суровых Монсальвата.

Мне, Париж, желанна и знакома
Власть забвенья, хмель твоей отравы!
Ах! В душе – пустыня Меганома,
Зной, и камни, и сухие травы...

– Ого, Волошин?

– Угу...

– Я тоже его любил очень. Особенно одну его поэму... как же ее? Вот, склероз! Ну, ту, где он историю человечества осмысливает...

– Путиами Каина? Трагедия материальной культуры?

– Во-во! Она самая! Как раз в ней он и предупреждал, что бездумный прогресс нас и погубит... все наши навороты и примочки, в конце-концов нас и уничтожат, если мы не преодолеем свои же страстишки, жадность и жажду власти...

Повисло молчание. Было слышно, как ревет ветер, точно толпа голодных дикарей. И Чиж, вдруг, поймал себя на том, испытывает какое-то извращённое ощущение тишины и покоя. То, что можно было бы даже назвать уютом. Как будто сын ненастным вечером, сидит на теплой кухне с отцом и беседует о том, о сем.

А Следопыт, тем временем, продолжал.

– И, ведь, как в воду глядел! Чиж, вот, сам подумай, ну чего нам не хватало? Почти все болезни лечили, жратвы на всех хватало, жили в тепле со всеми удобствами. И машины все за нас делали. И в космос мы летали! А теперь что? Жмемса по бункерам да подыхаем от болезней, голода и радиации!

– Может, именно потому, что слишком уж безопасно жили? Или кто-то решил, что ему больше всех нужно?

Следопыт замолчал, задумчиво пожал плечами:

– Хрен его знает...

– А как думаешь, можно ли все возродить?

Следопыт бросил на Чижа быстрый взгляд. Хотел было что-то проворчать, да, видимо, смягчился и передумал.

– Может, и можно, – он снова пожал плечами. – Да нужно ли? Где гарантии, что мы снова не скатимся в мясорубки войн, как только восстановимся? Вот, сейчас никто не помнит, из-за чего Последняя война началась. Что нам надо было делить? Кто кому и чем насолил? Не проще ли было вместе все порешать? И не пытаться спихнуть ближнего своего с обламывающегося сука? Ты правильно сказал: кто-то решил, что он круче всех, и ему больше всех надо. А остальные перебьются.

Старый сталкер помолчал. И добавил:

– Думаешь хоть что-то поменялось?

Чиж задумался:

– Может, всё-таки, поменялось?

Сталкер понимающе усмехнулся:

– Ну, да, конечно, хочется верить, ага, – несмотря на улыбку, глаза Следопыта были злы и печальны, – Мне тоже! Мне тоже, парень.

Он снова замолчал, будто бы погрузившись в воспоминания.

– Только, что мы с тобой реально видели? – в голосе сталкера звучал металл и разочарование. – Видели, что даже сейчас мы готовы вцепиться друг другу в глотки. Сталкеры на поверхности гибнут, но не из-за того, что радиации хлебнули, или ещё какой заразы. Не из-за того, что шею себе в темноте случайно свернули, или напоролись на оставшийся с войны подарок, нет. Сталкеры гибнут от пуль, гранат и ножей своих же коллег, только из другого бункера. И все это из-за лишней банки тушёнки, или пачки аспирина. Все как раньше, только масштаб другой. Казалось бы, ну все в жопе. Ну объединили бы силы, помогли бы друг другу вылезать из этого дерьма. Так нет же, продолжаем грызть друг другу глотки, скакать на граблях, раз за разом расширяя себе лобешник.

Чиж несмело ответил:

– Но бывает же, и сталкерские группы, и люди из разных убежищ объединяются и помогают друг другу.

– Ну, бывает. Но очень редко.

– А ещё, я слышал, что где-то на севере люди объедини-

лись. Вроде как даже единым государством себя провозгласили несколько убежищ. Говорят, они даже на поверхность чаще выходят. Строят укрепления. Обеззараживают дома и восстанавливают разрушенное.

Следопыт протяжно скептически усмехнулся.

– Да, да, да, раз пятнадцать!

– А во главе у них какой-то учёный военный. И очень умный и мудрый.

– Ага, ну да, знаем! – фыркнул Следопыт, – А, галвное, добрый такой, что прям не вождь, а отец родной.

– А что?

– Да то, что дядьку Семёныча меньше слушай! Он тебе и не такого расскажет... О! Буря, кажись, кончилась. Стихает. Ну, пошли, дружок, у нас ещё дела.

И Следопыт надел противогаз и подобрал фонарь.***

– Ну что там? – нетерпеливо спросил Чиж.

– Пока не вижу, – ответил Следопыт, вглядываясь во тьму сквозь прибор ночного видения.

– Так, может, показалось? – несмело поинтересовался Чиж.

– Чуйка меня ещё ни разу не подводила, – ответил Следопыт, и назидательно добавил: – И тебе советую к ней почаще прислушиваться... Ага!

– Что? – встрепенулся Чиж.

– По ходу, проблемы у нас, и большие, – упавшим голосом ответил Следопыт.

– Поясни?

– Чёрные Сталкеры... дюжины две... едрить твою за ногу!

Только этих выроdkов нам тут и не хватало!

Чиж похолодел. Он многое слышал о Чёрных Сталкерах. И всё, что он слышал, было связано с похищениями людей, работорговлей, а то и просто убийствами ради удовольствия. Причём, убийствами с чудовищной жестокостью. Взять, хотя бы, историю о Мёртвом Бункере, которую частенько можно услышать от старых сталкеров за общим ужином, когда пламя свечи отбрасывает причудливые тени на бетонные стены. Его обнаружили пару лет назад. Это убежище было небогатым, брать там было особо нечего. Его и обнаружили-то случайно. Но, то, что отыскивали сталкеры, повергло в ужас даже бывалых следопытов. Забрызганные кровью стены... отрезанные конечности и головы мужчин, женщин и даже детей... Эта история леденила душу даже тех, кто этого не видел, а Борис Петрович, начальник бункера, где жил Чиж, даже приказал усилить охрану на входе. Эта новость ясно дала понять, что Чёрные Сталкеры – это не люди. Это выродки, которых надо убивать. И живым им лучше не попадаться.

– Да они не одни! – воскликнул Следопыт. – Твою ж...!

По ходу, там пленные. И, похоже, это бабы и дети.

Чиж выругался.

– Бабы им, понятно, зачем, – глухо проговорил он. – Но дети-то, дети им нахрена?!

Следопыт хранил тяжёлое молчание. И оно было страш-

нее любого ответа. Чиж за свою недолгую жизнь тоже успел повидать многое. Но, похоже, он ещё не настолько закалился, чтобы ко всему привыкнуть.

– Лучше бы их просто перебили, – холодно проговорил старый сталкер.

Чижа замутило. Внутри что-то натянулось гитраной струной. Всё это было неправильно! Неправильно! Надо вмешаться! Но что они со Следопытом могли сделать? Да, теоретически можно было бы сыграть на внезапности и попробовать отбить пленных. Но, тогда, они потеряют драгоценное время. А то и погибнут сами. Кто тогда доставит в бункер лекарства, еду, оружие? Как же, тогда, их женщины и дети? Как же их раненые и больные? Как же все те, кто доверился им?

Даже если у них получится отбить пленников, что тогда? Бросить их в ледяной тьме ядерной ночи, мол, мы своё дело сделали, а дальше вы как-нибудь сами, так что ли? Не проще ли, тогда, сразу прибить? Или вести в бункер, когда там и так полно голодных ртов?

Чижу хотелось выть от бессилия и омерзительности стоявшего перед ним выбора.

А, вообще... сможет ли Чиж спокойно спать и есть, зная, что оставил на мучения двадцать невинных и беспомощных человек, когда у него была возможность помочь? Как он будет смотреть в глаза своим?

– Ну, что думаешь, малец? – Следопыт будто бы услышал

его мысли.

Твою ж...!!! Ладно, пусть он будет мягкотелым идиотом, неженкой и слюнтяем, но бросить невинных на произвол судьбы он просто не мог:

– Нельзя их бросать, – твёрдо сказал он. – Заберём их с собой. И Борис Петровичу придумаем, что сказать. Только, тогда, нам придётся побегать в два раза больше и в четыре раза быстрее. Я знаю, Борис Петрович их примет. Он суровый, но и у него сердце не камень. Прорвёмся.

– Хм, а об Охотниках на Нечисть не думал? Может, они уже напали на след Чёрных, и не сейчас, так потом освободят рабов? А чёрные выродки получают по заслугам...

Или Чижу показалось, или в голосе Следопыта он, и впрямь, услышал одобрение.

И парень дал ответ, который, как ему казалось, ждал от него старый сталкер:

– А если не выследили? Если не найдут и не освободят? Что тогда? А мы, вот они, тут...

– Ага, то есть, классическое «кто, если не мы»?

Чиж коротко кивнул.

Следопыт усмехнулся:

– Что ж, не ошибся я в тебе, пацан.

Он передёрнул затвор автомата.

– Значит, так, – начал он, – вломим им с двух сторон. Ты дуй во-он туда, – сталкер указал на темнеющие развалины многоэтажки чуть к северу от стоянки Чёрных Сталкеров. –

Вот тут как раз проёмы между развалинами и завалами, так до огневой точки и добежишь. А я зайду отсюда, слева. Там как раз металлолом покорёженный. Там и залягу. Ты горячку не пори – я сниму вот этих двух гавриков на возвышениях. Они самые опасные. А ты грохни вот тех двух, с ирокезами на шлемах. У них оружие мощнее. И, это, на месте не сиди. Дал очередь – меняй дислокацию. И так дальше. Пусть тоже думают, что нас не двое, а как минимум десяток. А если повезёт, то примут нас за Охотников, и тогда зассут и сдриснут сами. Они хорошо знают, что Охотники пленных не берут. А если и берут, то только, чтобы к стенке поставить. Ну что, готов?

Чиж кивнул.

– Ну, давай, ни пуха. Пошёл!

И Чиж, пригибаясь, нырнул в узкий проход между разрушенными стенами, стараясь двигаться быстро и бесшумно.

Благо ещё ветер был сильный, порывистый, и выл как стая голодных демонов...

Сердце бешено колотилось в груди.

Да, может, Чиж и не может исправить этот мир, но может сделать так, что добра и справедливости в нём будет чуть больше. И, может, именно в этом и есть смысл и надежда на возрождение человечества и лучший мир?

Человеческий Поступок

– Ну что, город наш! – прозвучал из динамиков весёлый голос Ястреба, сержанта второй ударной группы. – Оказалось, выбить Культистов Лиги отсюда будет чуть проще, чем думалось.

Виктор почти не слышал товарища. Пренебрегая возможной опасностью – воздух мог быть заражён, пропитан ядами и продуктами горения, – он снял гермошлем и склонился над грудой покорёженного металла, валяющейся у развороченной бетонной стены.

Откуда-то слышался рокот бронетехники, вступившей на зачищенные улицы. Тяжёлые шаги закованных в броню дроидов-штурмовиков, прикрывающих наступление бронепехоты. Воздух был тяжёл от удушливой вони. Пахло гарью, кровью, раскалённым металлом. Разрушенные дома пялились на них чёрными провалами окон. Из некоторых рвались языки пламени. Вот и все. Никаких выстрелов, фанатичных криков, проклятий. Город был взят. А, значит, стратегическая задача окружения крупных сил Лиги была выполнена.

Да, вот, только, странная горечь отравляла чувство победы.

– Витёк, ты чего это? – спросил Ястреб, обернувшись к товарищу.

– Интересно, его ещё можно восстановить? – нарочито

небрежно спросил Виктор, глазами указав на раскуроченное тело дроида. Он хотел казаться абсолютно спокойным, будто эта потеря для него равносильна потере дорогой приبلуды, не более. Но, Ястреба так не обманешь.

– Не, – прозвучал из динамиков скептический голос Ястреба. – Игрушка явно на списание. Да ты не переживай, к тебе нового прикрепят. Обычное дело. Для этого и создают боевых дроидов.

– Он спас мне жизнь. Затолкал за железобетон и закрыл собой от гребаной гранаты. Если бы не он, мы бы с тобой не разговаривали...

– Витёк, – в голосе Ястреба появились странные нотки. Он присел рядом. Гермошлем был непроницаем. Однако, Виктору почудилось, что Ястреб смотрит на него сквозь непроницаемое забрало с сочувствием. – Мой дроид тоже меня прикрывает. Сколько бронебойных схлопотал! Для этого их и делают. В этой войне сколько солдатских жизней удалось спасти таким макаром! Ладно, давай двигаться. Возможно, в городе ещё сволочи из Лиги остались. Иди за мной. Я и мой Цезарь тебя прикроем.

Виктор бросил прощальный взгляд на тело своего защитника и спасителя. От РЗ 300-й модели почти ничего не осталось. Только опаленный развороченный металл. Робот-Защитник сделал свое дело: то, что было заложено в него хитроумной и сложной программой. Любой ценой защищать подопечного человека. Защищать от мин. Защищать от снай-

перского огня, от бронестрельных пуль, фугасов, гранат... Это единственная цель его существования. Смысл его жизни, если можно так выразиться...

Да всё это понятно, конечно! Да, вот, только, все равно на душе кошки скребли. Своего РЗ Виктор звал просто: Братишка. Сначала в шутку, а потом...потом, то ли привык он к нему за два года, то ли, взаправду, стал считать его братом. И немудрено, дроиды нового поколения могли поддерживать разговор, даже шутить. С Братишкой они играли в шахматы на привалах. Братишка "знал" много старых песен, умел рассказывать познавательные истории. Кроме того, в него был заложен курс психологии, как и в любого другого РЗ-300. Штука крайне необходимая, чтобы совсем не свихнуться посреди этих всех ужасов. Виктору это очень помогло. Особенно в первые годы, после его боевого крещения.

И, вот, теперь, тот, кто защищал его, оберегал и не давал слететь с катушек, лежит тут грудой оплавленного металла...

Виктору это казалось...неправильным. Будто он подставил друга, чтобы спасти шкуру...бред, конечно, но все же...

Интересно, а есть ли у дроидов душа?

Виктор прикоснулся к тому, что осталось от Братишки, так, на прощание... Затем, поднялся и зашагал за Ястребом. А впереди, бесстрастно и бесстрашно, покрытый копотью, испечённый пулями и осколками, шагал Цезарь.

Человеческое Тепло

Она, как и всегда, уже ждала меня.

– Привет! Как прошёл день?

– Привет, – целую её в губки, – да как обычно. Ничего особенного.

– Ясно, – хмыкнула она, оправив изящно ниспадающий на лицо локон светлых волос, – Ну, проходи, я уже всё приготовила.

– Пахнет вкусно, – я невольно улыбнулся. Из кухни тянуло ароматом свежей выпечки и чего-то жарено-пряного. – И приготовлено бесподобно. Как и ты сама.

– Ой да ладно, – на щеках её выступил милый румянец, когда она засмеялась. – Хватит подлизываться. Иди ужинать.

Мы прошли в кухню.

– Я, кстати, должна попросить прощения. – Она виновато потупилась.

– Это за что? – я остановился в дверях.

– Я позволила себе влезть в твой нетбук и посмотрела текст, который ты написал. Ну, по твоему новому роману...

Тут уже я немного покраснел. и сердце моё чаще забилося. Глупость, конечно, но её мнение для меня очень важно.

– И... что скажешь?

Она подняла на меня глаза, до краёв заполненные чистой-шей сияющей синевой.

– Слог у тебя очень хороший, лучше, чем был. Появилось больше изящества и простоты. И героям веришь. Но, в некоторые эпизоды я внесла правки – по логике и смыслу. Я всё отметила красным. Прости.

– Да ты что! – я потрепал её по плечу. – Мне очень приятно твоё внимание. И никогда ты мне не советовала плохого. Я посмотрю. Спасибо тебе большое.

Она улыбнулась. Обожаю, когда она улыбается. Её восхиительные глаза как будто становятся ещё ярче и...живее. Если этим прилагательным можно её охарактеризовать...

Я сел за стол, аккуратно убранный и сервированный. Передо мной стояла безупречно белая миска на такой же тарелке, сверкающие чистотой приборы и глубокая белая кружка с бабочкой. Ей они бабочки очень нравились – так я понял.

Она повязала передник поверх домашнего костюмчика, ненавязчиво и мило подчёркивающего её подтянутую фигуру, и разлила в миски наваристый бобовый суп. После того, как закончила с чаем – с ароматом персика и барбариса, – сняла передник и опустилась рядом.

– Тебе обязательно, чтобы я пила чай вместе с тобой?

– А что такое? Тебе неприятно? – я почувствовал, как меня кольнуло в сердце. Заметила она это или нет, но в её небесно-синих глазах отразилась теплота и нежность, и как будто просьба об извинении.

– Нет, что ты, – тепло улыбнулась она. – Ты мой создатель, во мне есть частичка тебя, и...вы, люди, называете это при-

вязанностью, дружбой, участием, любовью. Если бы я была человеком, я бы, наверное, сказала бы, что чувствую это к тебе... Просто. Ты же можешь поменять мне программу, и не переводить на меня продукты.

– Почему это переводить? Ничего мы не переводим. А с тобой мне всяко лучше, чем одному.

Она пожала плечами и поднесла кружку к губам.

– Зачем тебе всё это? – спросила она, наконец. – Зачем тебе делать меня такой, какая я есть?

– Тебе не нравится?

– Нравится, – серьёзно ответила она. – Но, – она смотрела куда-то перед собой, и я прям чувствовал, как её позитронный мозг обрабатывает варианты решений, взвешивает, оценивает, просчитывает вероятность той или иной реакции, а сложнейшая нейронная сеть отзывается непостижимыми импульсами... тем, что мы люди, могли бы назвать эмоциями. – Но, я же вижу, как другие обращаются с роботами... И я не понимаю логики...

Я помрачнел. Мне стало не по себе, и кусок испечённого ею пирога застрял у меня в горле. Да, я знал, как обращаются с роботами. Я знал, что они наша собственность, дорогие и многофункциональные игрушки, и мы платим за их создание и сервисное обслуживание огромные деньги. Мы вкладываемся в материалы, чтобы получить то, что соответствует нашим желаниям и эстетическим вкусам. Мальчика для битья, на ком можно вымещать злость и неудовлетворён-

ность. и который, при этом, чистит тебе ботинки, убирает за тобой, стирает, гладит, а иногда и защищает твой дом и твою собственность. Или секс-рабыню, с которой можно воплотить все желания и инстинкты – всё то, что дремлет на самом тёмном дне твоей натуры, с которой нет никаких запретов, и на которую не распространяются никакие этические нормы. Она же даже не человек! Подумаешь, что ей больно и страшно! Ради этого её, или его и создавали! Брали кредиты на это! Вгрохивали тысячи в валюте! Пусть это всё окупается! Нам нужны совершенные рабы и кто-то, на кого мы будем выплёскивать свою злость, ненависть и садизм, чтобы не выплёскивать это друг на друга. Ведь и по новостям передают, что криминогенная обстановка во всех городах стала лучше. Стало меньше жестоких убийств, похищений, изнасилований. Только потому, что где-то у себя в подвалах, или в специализированных заведениях, андроидов лупят, пытаются, калечат, насилуют. А на следующий день они как ни в чём не бывало – если иное не предусмотрено инструкцией по эксплуатации, – они убирают за нами, лечат нас и убаюкают нас, при этом мило нам улыбаясь... потому что совершенное повиновение вшито в их ПО. Я не люблю эту тему. Она вызывает во мне приступ острой тошноты и отвращения к миру. И ещё раз я задаюсь вопросом, кто мы такие?

– Здесь нет логики, – тихо ответил я. – Или же она очень проста. Я тебя люблю. Мне нравится, что ты со мной. Ты меня понимаешь, а я понимаю тебя. Мне хорошо и уютно с

тобой, и надеюсь, я плачу тебе тем же.

Дальше мы молчали.

После ужина, каждый занимался своими делами. Я помог ей помыть посуду. Проверил, всё ли хорошо у неё, не нужна ли замена каких-либо деталей, всё ли ей хватает, потом что-то почитал. Дописал главу с учётом её замечаний. А потом мы пошли спать.

В её объятиях мне стало спокойнее. Чувствовать тепло её крепкого, упругого тела. Ласковые и нежные пальцы у себя в волосах, сладковатый запах мягких волос, рассыпавшихся по подушкам. Только сейчас я ощущал себя целым и целостным, по-настоящему умиротворённым и защищённым.

– Мне кажется, тебе нужен человек, – сказала она. – Ты не можешь вечно прятаться.

– Я не прячусь, – ответил я, проведя пальцами по её волосам.

– Я не смогу дать тебе человеческого тепла. Как раз того, что тебе на самом деле нужно.

– Нет, – согласился я. – Но ты можешь дать мне нечто большее.

Я посмотрел ей в глаза.

– То, что мы люди не можем друг другу дать. Хотя, вроде бы, это очень просто.

Она не ответила. Я любовался безупречной синевой её глаз, мудрой глубиной её взгляда, его... человечностью, даже большей, чем та, которую видел в глазах людей...

Нет, мне нужна только она, и никого больше рядом я видеть не хочу.

Я нежно поцеловал её в губы...

Монастырь

Войска капитула планеты Карайя-13 сектора Гемини, Первого Капитула Ордена Девы Милосердной, самого молодого и самого первого женского духовно-рыцарского Ордена Священной Империи, были выстроены на плацу их крепости-монастыря.

Сестра Фабия, теперь уже, сержант Фабия, стояла в шеренге своего отделения и ждала: скоро к молодым послушницам выйдет аббатиса, и примет их Присягу.

Густые волосы Фабии стянуты на затылке в тугий узел. Теплый, пахнущий весной, ветер, приятно обволакивает открытое лицо, иссеченное многочисленными шрамами. Непривычно все еще ощущать на себе новые, слегка поблескивающие на утреннем солнце, вороненые силовые латы, похожие на древний готический доспех рыцарей из прошлого Святой Терры, испещренный цитатами из Нового Откровения. Гермошлем с серебристыми насечками покоится на сгибе локтя.

Перед ними, сестрами-ветеранами, выстроены ровные шеренги молодых послушниц, которые сегодня станут полноправными рыцарями Ордена.

Можно представить, как сейчас колотятся их сердца за воронеными панцирями лат. Как, пока еще нежные пальцы, под латными перчатками, сжимают гермошлемы. Какие

мысли проносятся в их головах, и каким огнем горят их сияющие глаза.

Монастырь Девы Милосердной был легендой и символом этой планеты.

Символом несломленности.

Символом стойкости и величия духа.

Краем глаза сержант Фабия улавливает идеально ровную шеренгу своих сестер: тех, кто был с ней тогда, в огненном аду, который разверзся здесь чуть более года назад.

Фабия помнила...

Тогда была глубокая осень, и небо затягивали штормовые свинцовые тучи...

Монастырь был мирным местом, хотя и построенным на совесть, по всем правилам имперской фортификации. И охранял его немногочисленный гарнизон рыцарей Тамплиеров. Это были первые годы Войны Ереси, когда войска Ересиарха рвались к Терре, едва восстановившейся после своего Крика, или, иначе Судного Дня Человечества. Искаженной, разодранной чудовищными бурями и катастрофами, но остающейся колыбелью Человечества. И ныне ставшей кладью нового ресурса, узлом, связывающим множество и множество миров между собой. Тогда шли тяжелейшие бои за сектор Гемини. Имперская армия несла тяжелейшие потери в боях за луны Луциана, и Монастырь был тем местом, где принимали и лечили раненых. Лечили сестры-монахини, одаренные девушки-целительницы.

О предательстве планетарного губернатора стало известно слишком поздно. Как и то, что, теперь, группировка имперских войск на лунах, оказывалась в полном окружении, и фронт оказывался прорван.

Об этом говорили полубезумные от фанатизма, полуголые, покрытые нечестивыми татуировками, парламентареры Ересиарха, напоминающие, скорее, насмешливых демонов ада, чем людей.

У аббатисы, настоятельницы Монастыря Девы Милосердной, был простой выбор: последовать примеру губернатора и сдаться, и тем самым обречь на муки и смерть раненых имперских рыцарей и сервов, или же, сражаться и тоже погибнуть.

Выбор аббатисы был очевиден.

Монастырь Девы захлопнул ворота перед парламентарями предателей и Проклятого, и ответил им шквальным огнём.

В считанные часы монастырь был превращен в крепость, настоящую крепость, над которой взвилась имперская Аквила. И, вместе с рыцарями Тамплиерами, стражей Монастыря, плечом к плечу, на защиту его стен, встали и раненые солдаты, и впервые взявшие в руки автоматические винтовки, сестры Ордена целительниц.

Тогда и Фабия впервые взяла в руки оружие. И впервые стреляла в живых людей. И только потом, она задумалась над тем, а что она чувствовала? О чем думала? Ведь среди предателей могли быть и те, кого она знала. Кто приносил в Мона-

стырь продукты. Кто обращался за помощью. Кого и она сама могла когда-то лечить. А теперь, стреляла в них, отчаянно защищая жизни укрывшихся за стенами Монастыря раненых и больных имперцев.

Были ли против них люди?

Фабия много слышала историй о еретиках. И о том, что ждет верных Императору и Его Новому Откровению людей, если они попадутся еретикам живыми. Она слышала о кошмарах, на которых жгли живых людей, о раскаленном железе, и о многом другом, о чем было ужасно даже думать, от чего тело трясла предательская дрожь, немели мышцы и подкашивались колени.

Она, тогда, знала одно: еретики не должны прорваться. А если прорвутся, нельзя попадаться им живой, и нельзя отдавать им раненых и больных.

И это "если", с каждым днем, с каждой новой атакой еретиков, взбешенных упорством защитников и защитниц, превращалось в страшное в своей беспощадной неотвратимости "когда" ...

За спинами дев-рыцарей стояла огромная статуя. Это была красивая скорбная девушка с крыльями за спиной, с лицом, скрытым глубоким капюшоном монашеской сутаны, наброшенной поверх боевых лат. В одной руке она держала меч, разрубающий поверженного адского зверя со змеем вместо языка, символ Ересиарха. А в другой, развернутый свиток с высеченными именами защитников и защитниц

крепости-монастыря, так и не вышедших из той мясорубки.

Перед статуей горел вечный огонь, символизирующий несломленность, пламя веры, надежды и любви.

Список в руке девушки был длинным. Но Фабия знала почти всех. Она помнила Лукрецию. Самую молодую свою сестру, с личиком ангела и светлыми локонами, с осколками небесной синевы во взгляде. Тогда, она очень боялась, что попадет в руки врага живой. Император уберег ее. Вместе с оставшимися в живых тремя сестрами, они подорвали северный бастион, который похоронил под собой и их самих, и часть наступающих етериков и преградив остальным путь завалами.

Сестра Ирина, брат Сервиус, брат Веллен, сервы Арминий, Валериан и Криспиан и еще три дюжины сервов, бросились в отчаянную атаку, чтобы дать время защитникам Монастыря перегруппироваться в Последнем Бастионе. Говорят, они сгорели заживо и сожгли наступающую бронепехоту еретиков, превратив внутренний двор Монастыря в сплошное огненное озеро, подорвав запасы топлива для машин.

Братья-рыцари Варрен, Николай и Гонорий совершили вылазку в стан врага и разнесли вдребезги пять его артиллерийских установок, взорвали склады с боеприпасами...

А оборона монастыря вдохновляла граждан планеты так же братья за оружие, и вести против еретиков и предателей партизанскую борьбу.

Стоит ли говорить, что после такого, защитникам Мона-

стыря не оставалось ничего, кроме как отчаянно бороться до конца?

Время сворачивалось в тугую петлю, все сильнее затягиваясь на шеях защитников.

Радиосигналы имперским войскам тонули в эфире. В ответ слышался лишь белый шум. И в этом шуме, похожим на насмешливый шепот слуг преисподней, таяла последняя надежда.

Она помнила...

Это произошло в ненастный день осени. Шел дождь, выл ветер. Вой ветра перекрыл чудовищный грохот. Волна стали и огня, какой еще не бывало, накрыла последнюю цитадель Монастыря. В грохоте этом слышался рев демонов преисподней и, казалось, все силы ада вырвались на волю, чтобы дробить камень, рвать и перемалывать человеческую плоть. Шрамы на лице Фабии – память об этом дне.

Она помнила...

Помнила, как ударной волной ее отшвырнуло назад. Как голова взорвалась чудовищным звоном. Как алая пелена заволакивала взор. Как бессмысленно она шарила окровавленными руками по осколкам бетона и камней.

Помнила, как над ней встал еретик в тяжелых латах и шлеме в форме рогатой рожи ухмыляющегося демона. Помнила содранную человеческую кожу на его доспехах. Помнила, как он легко, точно котенка, поднял ее за горло, и в руке его блеснул кривой зазубренный клинок, покрытый кровавыми

разводами.

– Жаль, сука, что у меня есть время только на то, чтобы вспороть тебе живот, – модифицированный голос еретика, звучащий из динамиков его страшного гермошлема звучал голосом голодной демонической твари...

Может быть, так оно и было. В войсках Ересиарха, говорили, были одержимые, добровольно отдавшие свои тела демонам ада, в обмен на могущество.

В любой другой момент, ее бы трясло от ужаса.

Но, тогда, она будто перегорела.

Лишь губы, покрытые запекшейся кровью, сами собой прошептали:

– Помоги, Император!

И в этот момент, хватка еретика ослабла.

Его обезглавленное тело рухнуло, исходя фонтанами крови.

Или Фабии казалось, или, действительно, спасший ее имперский рыцарь-десатник, со стальными ангельскими крыльями стилизованного реактивного ранца, стоял над ней в лучах света, с сияющим силовым мечом, и точными выстрелами тяжелого пистоля-автомата косил летящих на них пехотинцев предателя.

С темных небес, прорезанных лучами света, оставляя за спиной огненный след реактивных ранцев, сверкая латами и крыльями, слетали отряды имперского десанта Ордена Стальных Крыльев...

Спустя мгновение, имперский рыцарь подбежал к Фабии, и бережно поднял ее на руки.

– Ничего больше не бойся, сестра, – прозвучал из динамика гермошлема его голос. – Они отступают. Вы победили.

И Фабия провалилась в беспамятство...

Что было потом? Да много чего. Ересиарх был разгромлен в бою за Марсианские Врата Терры и отброшен во внешний космос. Монастырь, вот, восстановили, отстроили.

А Орден Девы Милосердной стал первым в Священной Империи женским рыцарским орденом. Орденом, выкованном в огне битвы и доказавшим на деле, что способен хранить пламя надежды даже тогда, когда все другие источники света погасли...

В этот весенний день, около года назад, Орден в награду получил свою самую дорогую реликвию: знамя-сигиллу, благословленную Святой Кровью Самого Императора. Алую розу в пламени с перекрещенными мечами на белом полотнище. И этот день был одним из самых торжественных дней для Ордена.

В этот день юные сестры-новобранцы приносили присягу Ордену и Империи, и становились настоящими сестрами-рыцарями, а не просто послушницами.

– Смирно!

Фабия вытянулась струной. Как и в день своей присяги, ее сердце все так же колотилось от сладостного волнения.

Прозвучали привычные команды.

Девы-рыцари, как одна, в равнении, поворачивают обнаженные головы направо.

Из портала монастыря выходит мать-настоятельница, в сопровождении знаменосицы.

Тогда аббатиса сражалась в первых рядах. И раны ее были ужасны. Никто не верил, что она выживет, но имперские медики совершили настоящее чудо. Правда, теперь, тело матери-настоятельница, представляет собой подобие биомашины, и, теперь, доспехов она никогда не снимает.

Юная знаменосица так же была облачена в вороненые латы, поверх которых надета боевая сутана огненно-красного и белого цветов, цветов Ордена. В облаченных в сталь руках, знаменосица сжимает древко знамени-сигиллы, развевающееся на теплом ветру, пронизанное солнечными лучами...

Сколько раз все это уже было. И каждый раз сердце Фабии замирало, пропуская удары. И воспоминания оживали с новой силой.

Она почти не слышала, что говорила мать-настоятельница.

Она смотрела на молодых послушниц, таких, какой была когда-то она, которые выступили вперед, преклонили колена перед знаменем, и хором подхватили слова Присяги, начатые аббатисой.

Губы Фабии тронула легкая улыбка.

Добро пожаловать в семью, сестры!

Цена Мечты

Над головой нависало свинцовое небо. Оно почти сливалось с клубами промозглого тумана, разогнанного имперским десантным кораблём.

Инквизитор Фамулус неспешно сошёл с трапа на мягкий ковёр травы. Дикий ветер гонял по зелёному морю призрачные волны влажного серебра, гнул долу яркие венчики полевых цветов. Сквозь тяжёлые силовые латы ощущалась пронизывающая промозглая сырость. Воздушные фильтры гермошлема пропускали тающий аромат, наполненный горьковато-сладким запахом влажной земли, трав и цветов, которые напоминали о покое и забвении.

Пока поисковая группа – пятьдесят человек рыцарей и кнехтов, – высаживалась на поляну, отбивая коваными сапогами дробь по металлу трапа, Фамулус огляделся. Встроенные в гермошлем компактные сенсоры прозондировали окрестности, а мини-компьютер вывел на окуляры краткую информацию об окружающей среде. Никакой угрозы, опасности, да и просто подозрительной активности вокруг обнаружено не было. Лишь темнеющий вдали лес казался живым, словно затаившийся зверь. Казалось, будто деревья странно, незаметно двигаются, а их ветви неестественно шевелятся, и во всём ощущалась враждебная настороженность. Фамулус глубоко вдохнул и выдохнул, успокаивая чувства. Да, стоило

признаться самому себе, что годы заточения в отдалённом мире-монастыре, среди вечных льдов и снегов, притупили боевую закалку. Как бы это не умалило его ментальные силы – у него появилось предчувствие, что здесь они ему будут очень и очень нужны. Что-то в этой тишине и покое было не так. В них чувствовался тонкий, сладковатый привкус лжи, таящей смертельную угрозу.

Мир, названный Арквиля 1, был обнаружен имперской исследовательской экспедицией около года назад. В условиях непрекращающейся войны с внешними и внутренними врагами, да даже и просто ввиду того, что Священной Империи было необходимо кормить миллиарды граждан, обнаруженная планета стала настоящим подарком. По своим физическим характеристикам найденный мир не только не уступал мирам Империи, но даже и превосходил их своей первозданной чистотой. Благоприятные условия позволили быстро развернуть колонию и начать работы по разведке и добыче ресурсов. А отчёты, посылаемые в Капитолиум Маджорис, свидетельствовали о том, что работы идут быстро, строго по плану и даже с некоторым опережением. Спустя какое-то время, стало понятно, что колонистам ничего не угрожает, и имперская армия была выведена с планеты и переброшена на другие, куда более напряжённые и сложные участки. Остался лишь необходимый гарнизон сил планетарной обороны с частями поддержки. И какое-то время всё шло хорошо...до тех пор, пока Арквиля 1 не замолчала.

Отчётов больше не было, а на сигналы Капитолиум Маджорис колония не отзывалась. Обеспокоенные Совет Двенадцати Архонтов и Архипастырь приняли решение отправить на Арквилею военную экспедицию, которая должна будет разобратся на месте, что к чему.

Фамулус недоумевал, почему командование экспедицией доверили именно ему? Ему, запятнавшему себя безумием ереси? Ему, едва прошедшему искупление? Даже учитывая его искреннее раскаяние и возвращение к истинам Нового Откровения, ему светила, в лучшем случае, штрафная рота Репентиан, а в худшем – болезненная операция превращения в киборга-фанатика. А может и сожжение заживо. Однако ему дали второй шанс. За него просили его коллеги-инквизиторы во главе с самим инквизитором Винченце, что было особенно странно. А ведь именно против его войск Фамулус сражался на стороне еретиков. И сражался успешно, пока не кончились патроны, и он, залитый своей же кровью, не попал в плен. Но всё же его подопечные смогли вырваться из ловушки в Секторе Протекта у Врат Терры и ускользнуть от *Militiae Dei*. Фамулусу почему-то дали второй шанс. И, конечно же, он понимал, что его свита, на самом деле, его конвоиры, которым приказано следить за действиями Прощённого. И если что-то, хоть что-нибудь, пойдёт не так, насчёт своей дальнейшей судьбы Фамулус даже не сомневался. Однако теперь Фамулус вряд ли встанет на путь ереси. Последние потрясения, разрушившие его внутренний мир и едва не

стоившие ему жизни, а также годы, когда он оправлялся от телесных и душевных ран в вынужденно-добровольном заочении, заставили по-новому взглянуть на многое. Он понял, что человек несовершенен. Что разница между миром Духа и миром Плоти огромна. И всё, что человек может – это только стремиться к свету, дарованному Новым Откровением. К Тому, Кто вновь не пожалел Своей жизни и Крови ради спасения Человечества, которое раз за разом прыгает на разложенные перед ним грабли, снова в кровь расшибая себе лоб. Именно это понимание помогло ему удержаться над краем бездны и не соскользнуть в жуткую, зовущую, вечно голодную пустоту и тьму.

К Фамулусу подошла исповедница ордена Девы Милосердной. Её воронёные латы с серебристыми вставками запотели на промозгом холоде. Продолговатые линзы окуляров изящного гермошлема отливали кроваво-красным.

– Докладывай, сестра Вейл, – велел Фамулус.

– Здесь произошёл мощный психоэмоциональный всплеск. Около трёх месяцев назад, брат Фамулус, – промолвила Исповедница, – Как раз тогда, когда перестали приходить отчёты, и колонисты перестали отвечать на наши послания. След от него ещё очень отчётлив.

Фамулус был с этим согласен. Он тоже ощущал возмущения в эфирном поле – как круги на воде от брошенного камня. Это ж какой силы должно было быть возмущение, чтобы не затихнуть до сих пор! Даже если брать во внимание чув-

ствительность и податливость тонких материй под покровом реальности.

– Это было нападение? – поинтересовался Инквизитор.

– Не похоже, – покачала головой сестра Вейл. – Я не ощущаю ярости и ужаса, след от которых отчётлив после сражений и разносится по тонким материям на приличные расстояния. Скорее... скорее здесь трепет, восторг... отчаяние... надежда. Это похоже на те ощущения, которые возникают у человека, когда он получает то, чего очень долго ждал.

– Что это значит? – насторожился Фамулус.

– Возможно, я неправильно выразилась, брат Фамулус, – ответила сестра Исповедница, – Но как сказать лучше, я не знаю.

Фамулус кивнул. Ладно.

– А силы Ирреальности? – спросил он.

– Я не чувствую следов прилива или затопления, – ответила исповедница. – Тем более, за последние два года здесь не наблюдалось никаких бурь и штормов. Эфирный фон очень спокоен. Да и Скверна не ощущается. Если бы это было вторжение Преисподней, мы бы это почувствовали.

– Может быть, тут поработали колдуны и демонопоклонники? – прозвучал жёсткий голос одной из сестёр-защитниц.

– Не похоже, – возразил Фамулус. – Действительно, если бы это было прямое нападение, то сработала бы аварийная автоматическая система защиты, а мы бы давно поймали их

сигнал о помощи. Но этого не было. На картах база выглядит целой. И планетографы уверяют, что следов атаки или саботажа нет. Остаётся только внимательно осмотреться.

Выстроившись в походный порядок, отряд двинулся в сторону леса. Во главе отряда – Фамулус и Вейл. Их прикрывали рыцари Ортодоксы и две меченосицы Ордена Девы Милосердной.

Прочитав короткую молитву, сконцентрировав таким образом силы, Фамулус сосредоточился на ощущениях. В лесу, сквозь фильтры гермошлема, слабо чувствовался запах палой листвы и горьковатой свежести. Фамулус слышал шёпот ветра в скрипучих ветвях и тёмной листве, свивающих над ними и вокруг них плотную сеть. Словно скользкий по коже шёлк ощущал он движение тонких энергий, пронизывающих пространство. Обжигающие прикосновения. Эхо далёких всплесков страха и надежды, разочарования и радости, злости и наслаждения. И по мере того, как они шли, эти ощущения становились всё более отчётливыми. Они обдавали холодом прикосновения хищной стали, теплом согревающего огня, пляшущего в домашнем очаге, обжигали ударом плети по обнажённой плоти.

Но было и ещё одно. Навязчивое и липкое как воспоминание о врезавшемся в душу ночном кошмаре. Это было ощущение слезки. Озираясь по сторонам, меняя приближение и режимы встроенного в шлем визора, Фамулус осматривал колючие заросли, вглядывался в переплетение ветвей, в

клубы тумана между корявыми, кривыми стволами, на которых устроились колонии желтоватых грибов и ярко-зелёного мха. Но листья и ветви шевелил лишь заплутавший ветер.

И всё же Фамулусу казалось, что кто-то неусыпно за ними наблюдает. Но кто или что? Эти ощущения не были похожи на обжигающую смесь ужаса и праведной ярости, рождаемых нечистым присутствием богомерзких тварей Запредельного Хаоса. Это ощущение напоминало эхо монотонно пульсирующей настороженности и смутной тревоги. Однако без вмешательства сил Ирреальности дело явно не обошлось. А где Ирреальность – там жди беды. Хотя при этом более-менее стабильный ритм тонких энергий исключал факт прорыва энергий Преисподней. Тогда откуда эти колючие ощущения чьего-то присутствия?

Фамулус решил поделиться своими ощущениями с исповедницей по личному каналу связи.

– Да, – согласилась Исповедница, – у меня те же ощущения, и я хотела поделиться ими с тобой, брат Фамулус.

– Ты можешь понять, что это?

– Затрудняюсь ответить, – призналась сестра Вейл. – Это нечто, как будто бы, повсюду. Оно разлито в воздухе. Деревья, кусты, трава, камни. Как будто...как будто, лес следит за нами.

– Ты чувствуешь Ирреальность?

– Не понимаю, что я чувствую, – в голосе сестры Вейл звучали раздражённая неуверенность и тень досады. – Я не чув-

ствую Ирреальности, но в Эфирной Плоскости что-то есть. И это что-то очень даже разумное и очень даже живое. Хотя... Хотя оно всячески старается от нас скрыться. Надо быть готовыми ко всему.

– Похоже, ты права, сестра...

Лес поредел, и впереди замаячила поляна, затянутая туманом. В белёсых клубах, выующихся на завывающем ветру, темнели очертания островерхих сторожевых башен и стен силовых заграждений, окружавших лагерь.

– Вот и исследовательская база, – промолвила Вейл.

– И выглядит она заброшенной, – ответил Фамулус. Информация, выведенная мини-компьютером на визор, свидетельствовала об отсутствии всякой охраны и неактивности силовых заграждений. – Даже ворота открыты.

– Святой Император! Что же тут произошло? – выдохнула Вейл.

– Сейчас и узнаем, – Фамулус дал знак следовать за ним.

#

Тишина казалась осязаемой. Запустение действовало угнетающе. Между жилых блоков ползли извивающиеся полосы тумана, цепляясь за серые стены, а в узких проходах и в тянущихся между крышами и столбами проводах глухо подвывал холодный ветер.

Группа Фамулуса осторожно двигалась по пустой базе, озираясь по сторонам. Но вокруг не было ни души. Лишь серые сумерки. Лишь холодный туман. А сквозь слепые окна

на них глядела тьма.

– Как будто все вымерли, – прозвучал в динамике голос одного из кнехтов.

– Однако, это не так, – ответил инквизитор.

Он подошёл к двери одного из жилых блоков. Сосредоточившись, он «прощупал» пространство за дверью, и не обнаружил ничего враждебного. Но, тем не менее, осторожность не помешала бы. Дав знак кнехтам, он отошёл от двери.

Солдаты по-кошачьи скользнули к проёму.

Группа приготовилась.

Один из кнехтов снял с пояса свето-шумовую гранату и активировал её. Кивнул товарищу. Тот коснулся сенсорной панели у двери.

На удивление, она оказалась рабочей. Как только створка отошла от стены, кнехт вкатил внутрь гранату.

Раздался оглушительный хлопок и яркая вспышка. Кнехты с кошачьей грацией и скоростью ветра влетели в помещение.

– Ваше Преосвященство? Взгляните!

Они оказались в чистом герметичном помещении, освещённом тусклым матовым светом, который не раздражал глаз и, в то же время. Был достаточно ярок, чтобы можно было жить и работать. Внутреннее убранство помещения было простым и в то же время напоминало о чём-то, что с натяжкой можно было бы даже назвать домашним уютом. У стены стояла двухъярусная кровать. В Красном углу горела лампа-

да с Вечным Пламенем, изображением Самого Императора и его Двенадцати Архонтов. Чуть слева от лампы, упираясь в гладкую кремово-белую стену, стоял широкий пластиковый стол с планшетным компьютером, подсоединённым к точке питания. Рядом лежал электронный блокнот, приборы для проведения полевых измерений, мнемоперо. На столе были разбросаны провода и переходники. Окно над столом было закрыто полупрозрачной мембраной. Противоположная стена была заставлена металлическими шкафами с прорезями. Через приоткрытую створку можно было заметить средства личной гигиены – мыло, гели для душа, шампуни, – нестиранное бельё. А с другой стороны проглядывали корешки толстых книг, в основном научных изданий и справочников.

Но привлекло внимание вошедших другое. За столом, словно уснув от перенапряжения в разгар работы, полулежал человек. Мужчина. По возрасту ему можно было дать как пятьдесят пять, так и двадцать пять – имперская медицина продлила жизнь людей и подарила возможность сохранять молодость облика и силу вплоть до самой смерти, дабы каждый мог дольше послужить делу Императора. На нём была серо-зелёная форма полевого научного сотрудника. Это был один из планетографов.

Фамулус подозвал сестёр ордена Девы Милосердной. Кнехты и рыцари осторожно и быстро перетащили его на кровать. Однако в чувства его привести не удалось.

– Он жив, инквизитор, – ответила одна из рыцарей Ордена Девы. – Только как будто бы в глубоком сне или коме. Его жизненные процессы крайне замедлены и заторможены. Как будто в... анабиозе.

Фамулус кивнул. Подошёл к человеку, коснулся пальцами его лба и сосредоточился. Глубокий вдох. Медленный выдох. Ещё раз. Сосредоточиться на дыхании. Освободиться от телесных ощущений и роящихся в голове мыслей. Освободиться от своего Я. По телу прошла тёплая волна расслабления, словно его затягивало в тихий омут. Погружение в сознание происходило быстро. В мягкой полумгле вспыхивали и гасли меняющиеся образы, звуки, обрывки фраз. Фамулус увидел маленький и уютный жилой блок-квартиру. Милостивую женщину в длинном домашнем платье. Она хлопотала на кухне, резала хлеб, складывала его в хлебницу. Ей помогала девочка лет десяти. На варочной панели стояла кастрюля, из-под крышки которой тянулись извивающиеся локоны пара. Пахло чем-то наваристым и вкусным, отчего в животе приятно урчало в предвкушении. Фамулус ощущал тёплую тяжесть у себя на коленях. У него на руках сидел мальчик лет пяти. Он чувствовал, как покачивает его на колене. Чувствовал напряжение мускулов лица, растянутого в счастливой улыбке. Мальчик улыбался в ответ. Семья. Ощущение покоя и умиротворения, растекающегося по телу после тяжёлого рабочего дня гражданина Империи...

Потом была тьма. Грохот. Тьму перечёркивают очереди

автоматических винтовок, трассирующие пули вспарывают черноту. Пушисто вспыхивают и гаснут взрывы. Пламя освещает развалины домов. Щербатые, изломанные стены. Среди этих стен, укрываясь от шквального огня и огрызаясь очередями в ответ, перебегают имперские кнехты. Под яростный церковный боевой гимн бойцов поднимают рыцари. Судя по красным восьмиконечным крестам на наплечниках и подвижных кирасах, это Тамплиеры. Вражеские пули высекают искры из их тяжёлых силовых лат. В темноте сияют активированные лезвия могучих, тяжёлых мечей. Прикрывая собой более легко вооружённых кнехтов-ополченцев, они ведут их в атаку. Лязг стали. Грохот, за которым почти не слышно могучего хора наступающих имперских войск и жалких воплей раненых...

Его несут на носилках девы-рыцари из Ордена Девы Милосердной. Одна из них держит ментальный щит, который вмиг плавит шальные пули и осколки, не давая причинить вреда ни сёстрам, ни раненым, которых они уносят с поля боя...

Снова тьма. Тупое оцепенение. Потом дикая, ни с чем не сравнимая боль, словно от тебя зверски оторвали кусок тебя самого. Горечь вины. Страшное в своей непоправимости «больше никогда». Бессильная ярость. Ненависть к себе. Пронизывающий холод безысходности и одиночества.

– Тебе это знакомо, не так ли? – прозвучал чей-то голос. Нежный, тихий, такой, который мог бы принадлежать очень

молодой и очень красивой женщине.

– Кто ты? – спокойно спросил Фамулус, – Именем Господа, Создателя Земли и Неба, всех миров, видимых и невидимых, назовись!

– Скоро ты сам всё увидишь и узнаешь.

Снова мгла.

Снова контратака имперских войск. И перекрывающий рёв и грохот битвы боевой гимн Экклесии:

...Nam et si ambulavero in medio umbrae mortis non timebo mala quoniam tu mecum es virga tua et baculus tuus ipsa me consolata sunt...[1][1]

Свет. Весна. В воздухе сладко пахнет цветами. Шумит город. Стены ремонтируют от выбоин, оставленных бронебойными разрывными пулями. Он прижимает к себе крепкое и тёплое тело жены. Та плачет:

– Я думала, тебя убили!

Его горло стискивает клещами. Сводит челюсти:

– А я думал, что это вы все погибли. Но теперь всё позади, хвала Императору. Мы больше никогда не расстанемся. Никогда.

– Никогда...

Фамулус с тяжёлым сердцем понял, что видит и чувствует плотью и разумом выжившего из мира Каприкорнис 15. Десять лет назад, из-за предательства губернатора, мир нежиз-

данно подвергся нападению Чёрных Легионов Тринадцатого, Проклятого Архонта. Ересиарха. Сначала началось восстание демонопоклонников, тщательным образом подготовленное, к ярости и стыду Святой Имперской Инквизиции. А потом волны Ирреальности, в которых скользили, летели, рвались к смертным орды голодных демонов Преисподней и Чёрных Рыцарей, захлестнули сектор. Солдаты планетарной обороны во главе с Тамплиерами отбивались героически, но силы были неравны. Поэтому было принято решение уничтожить этот мир, дабы не допустить распространение заразы в другие миры-провинции Империи. Эвакуация происходила очень быстро. Вывезли оттуда всех, кого сумели. Остальных поглотило очистительное пламя. А потом с помощью храмовых Астра Дефензоров все астральные пути Каприкорнису 15 были наглухо закрыты, чтобы ни единая частица заразы Ирреальности и миров Сумеречья не смогла пробиться сквозь эфирный барьер кристаллов, созданных из крови Императора.

Холод одиночества, бессилия, ощущения неотвратимости, необратимости, пронизывал ледяной болью. Личность, вынырнувшая из тёплых объятий сна, съёжившаяся на суровом, обжигающе ледяном ветру истинной реальности, из всех сил рвалась обратно, в объятия сладкого сна, где атака была отбита, а планета осталась целой и невредимой. Где выжила семья учёного, вступившего в ряды ополчения, и его счастье никто и никогда не отбирал.

– Господом Богом и Императором Милосердным прошу, отче, отпусти меня. Не зови меня обратно в этот мир. Это всё ночной кошмар, который затянулся слишком надолго. Но теперь я проснулся. Она меня разбудила. И теперь я хочу остаться с семьёй. Она подарила мне дар, о котором я и не смел мечтать. Оставь меня.

Инквизитор тут был бессилён – душа человека рвалась обратно, в сеть иллюзий, и рвалась так, что Фамулус едва мог её удержать. И это бессилие отозвалось в нём чёрной горечью. Но человек сделал свой выбор. И ему ничем нельзя помочь. По крайней мере, он не знал, как. Сейчас не знал.

Словно из ледяного омута Инквизитор вынырнул из окутанного мглой сознания человека. Его слегка трясло и мутило. Так всегда бывает после сильного слияния.

– Ты видел? – спросила сестра Вейл. Даже сквозь динамики её голос звучал взволнованно и настороженно. – Видел его сон?

– Этот сон стал для него реальностью, – голос инквизитора был тяжёлым и хриплым, таким, что Фамулус даже сначала не узнал его. – Каким-то образом он поверил, что прошлое не такое, как он думал. Что наша реальность – это всего лишь сон. Реально то, что он видит и чувствует сейчас.

– И кто такая эта "она"? – спросила исповедница.

– Хотел бы я знать.

#

Везде лежали люди. Точнее, их телесные оболочки. Ду-

ши их бродили где-то далеко за пределами этой реальности. Там, где каждый хотел быть. У одного из кнехтов, охранявших исследовательскую базу, осталась в живых неизлечимо больная мать. И теперь, каждый отпуск, он может ездить к ней и проводить с ней время. Может сказать то, что не сказал по каким-то причинам, сделать то, что не сделал, исправить старые ошибки, которые с её смертью легли на его душу неподъёмным грузом. Молодая женщина, историк, сумела сохранить своего ребёнка, умершего в возрасте двух лет из-за того, что она не доглядела за ним, сумела вылечить младшего брата и стать ему лучшей, более любящей и заботливой сестрой. Инженер избежал ошибки, приведшей к гибели его группы, за что он проклинал себя всю оставшуюся жизнь. И многое, многое другое. Непрожитая боль. Непоправимые ошибки. Сожаление. Недоделанные, неделанные дела, нити, оборванные безжалостной судьбой и неумолимым временем. Здесь, они попали в мир, где всё возможно. Где нет ничего непоправимого. Где смерть не имеет власти над живыми. И никто не хотел возвращаться из этого мира. По мере того, как Фамулус, Вейл и другие рыцари осматривали заброшенную базу, росла тревога инквизитора. Всё отчётливее и отчётливее он ощущал присутствие чего-то чужого, бесконечно могущественного, видящего душу человека насквозь. Словно живые, извивающиеся нити прохладным шёлком проскальзывали под кожу, проникали в плоть, опутывали душу, отравляли ядом, текущим по этим нитям. Фа-

мулус отдал приказ собирать всех людей и двигаться к месту приземления десантного корабля. Задерживаться здесь было смертельно опасно. Он это чувствовал.

Он видел забитую народом площадь под нависающими стрельчатыми арками соборов и административных зданий. Затейливая ажурная резьба сплеталась в великолепное каменное кружево, застывшим пламенем рвущееся к небу. Искусно вырезанные из камня статуи ангелов и святых застыли в немой скорби. Оцепление окружает широкое пространство – возвышение с тремя столбами, приготовленными для казни осуждённых. Рядом со столбами стоит сгорбленная фигура киборга, представляющего собой изуродованное человеческое тело в глухом шлеме, к которому идут многочисленные провода и гофрированные трубки. В костлявые руки этого бывшего человека – тоже некогда осуждённого, – были вживлены огнемёты, к которым от уродливо выпуклой горбатой спины, шли такие же трубки и провода.

Фамулус был там. И видел процессию Аутодафе. Слышал протяжное пение клириков. Крики осуждённых, полубезумных от пыток, надеющихся вымолить прощение или смягчение наказания показным религиозным рвением.

Только она одна молчала. Такая хрупкая, точно фарфоровая куколка Древней Земли, ещё до Эры Кровавого Заката и Крика Терры, в длинной белой рубашке, пропитанной вонючей горючей смесью. Растрёпанные светлые волосы волнова-

лись на холодном ветру, открывая тонкое, по-детски нежное личико с остреньким подбородком и большими глазами, под которыми залегли тени. Она была бледной, как мел. И потерянно-несчастной. В то же время от неё веяло силой, такой, что бросало вызов всем им, всей Инквизиции, всей карательной машине Священной Империи. Как вы можете говорить о милосердии, когда приговариваете к мучительной смерти таких прекрасных и нежных созданий?! Это ли так поразило его тогда? Или он спутал это с другим чувством? Чувством острой вины и отчаянием непоправимого, бессилием перед тяжёлой утратой? Вины перед её нежным и чутким сердцем...которое и толкнуло её на путь ереси и предательства идеалов Нового Откровения. Вины, а ещё и злости на неё. Злости за её ересь. Злости за то, что у неё хватило смелости последовать за своим сердцем и не бояться открыть это, за то, что она заставила испытать это мучительное чувство бессилия и вины, ненависти и отвращения к самому себе. Фамулус не присутствовал при её допросах, но он знал их бесчеловечную жестокость. И его самого изводила мысль о том, что где-то там, в подвальных операционных, хрупкую юную девушку растягивают на дыбе, режут, жгут, колют, чтобы заставить её отречься от своих взглядов, признать их еретическими и выдать её сообщников. Это жестоко и отвратительно-ужасно. Но Империя воевала не только против Конфедерации и Конклава, не только против смертных безбожников, предателей-культистов, еретиков и робо-

тов, обретших разум. В лице Экклесии она вела войну против реальных тёмных порождений Запредельного Хаоса, захлестнувшего привычный мир в века Кровавого Заката, после Крика Терры, Судного Дня человечества. И только Экклессия с её грубой физической силой, воплощённой в закалённых телом и духом элитных бойцах духовно-рыцарских орденов, могла противостоять им всем. Только Экклессия с её силой веры, воплощённой в женском Ордене Девы Милосердной, с их способностями находить пути в Ирреальности и сдерживать разрушительные тёмные тонкие энергии, могла противостоять мощи Преисподней и тем, кто продал ей душу. Ад оказался намного ближе, чем люди могли себе представить, и слова мудрецов Древности, таких как Данте, оказались не просто красивыми метафорами, отражающими внутреннее состояние и борьбу человека с самим собой. А на войне хороши все средства – даже столь бесчеловечно жестокие. Ибо что такое жизнь одного по сравнению с жизнью миллионов?

Но что если именно эта жизнь тебе дороже всей вселенной?

Он видел, как её привязывают к столбу. Как капеллан произносит молитву, отпуская осуждённым их грехи. Как, хромя и переваливаясь – гротескно и уродливо, в то же время до боли в сердце жалко, – к ним подходит киборг, и как активизируются его огнемёты...

Киборг не знает ни садистического удовольствия, ни жа-

лости, ни страха, ни боли, ни самосохранения. Именно поэтому из них получается отличное пушечное мясо, которое часто выпускают против врагов на поле битвы в первую волну атаки. Никакой дисциплины и намёка на эстетику военной мысли и тактику. Просто жутко завывающая толпа механических полулюдей, невзирая ни на шквальный огонь, ни на потери, рвётся к вражеским позициям, чтобы рубить, колоть, рвать и жечь врага вживлёнными в тело смертоносными орудиями. А также это отличные палачи. Им всё равно, кто лежит на пыточном столе, или подвешен на крюки, или привязан к столбу. Перед ними просто стоит очередная задача – очистить тело Экклесии от отравляющей его скверны предательства и ереси, ведущей напрямик к тёмным сторонам Ирреальности.

Фамулус тогда больше не думал. Автоматический пистолет сам оказался у него в руке.

– Ты можешь это изменить...

– Кто ты?

– Можешь звать меня милосердием вашего Бога. Святым состраданием к вам вашего божественного Спасителя Императора. Я – та, что исцеляет раны. Та, что дарует прощение. Истинное прощение, когда ты освобождаешься от своего греха и своей вины. Греха перед самим собой. Я – та, что укрощает взбесившуюся совесть и помогает исправить то, что исправить ты не можешь. Так тебе говорили – изменить судьбу невозможно. И при этом тебе что-то ве-

щали о свободе воли. Тебя сажали за четыре стены. И перед тобой была дверь, единственная, которую ты мог выбрать окончательно и бесповоротно. Поверь, всё это лишь мнимая свобода. Это не свобода воли. Свобода воли начинается тогда, когда ты понимаешь, что нет ни стен, ни дверей. Ты сам выбираешь свой путь и можешь в любой момент выбрать другой. Изменить то, что казалось неизменным. Поправить то, что казалось непоправимым. Достаточно лишь понять, что для тебя открыты все пути, и неважно, какой ты выбрал. Стоит ли дальше мучить себя? Хочешь ли ты по-настоящему освободиться?

Тут бы впору читать молитву. Но ни взбесившееся сердце, ни потрясённо замолчавший разум, уже не служили ему. Было лишь одно. Отчаянно жгучее желание – согласиться, принять так кстати протянутую руку помощи. Чтобы дочь – пусть не по крови, но ближе её у него никого не было и не будет никогда, – была жива и была рядом с ним. Чтобы её не мучили. Чтобы не жгли заживо. Как ему хотелось снова увидеть её тёплую улыбку, лучащиеся нежным светом глаза. Она должна была жить! И да, сотню раз да, он хочет всё исправить!

Коридор, едва освещённый чуть брезжущим светом. Серые гладкие стены. На них пляшут троящиеся тени. Прохладно – это чувствуется даже сквозь силовые латы. Глухо колотится сердце – трепещет почти под самым горлом.

Движения, однако, даются легко. Силовые латы увеличивают силу мускулов, придают ещё больше подвижности и ловкости натренированному телу, несмотря на кажущуюся громоздкость. Пахнет лекарственными препаратами. А ещё горелой плотью, ужасом и страданием. Викторию держат где-то здесь, в отсеках для заключённых, ведущих к просторной операционной, камере пыток. В ладони удобно лежит автоматический пистолет. Только бы успеть. Только бы сбежать и затеряться с дочерью среди просторов космоса. Где-нибудь они устроятся. Как-нибудь. Если им нечего ждать от людей, может помогут нелюдские расы Вселенной или даже Ирреальности? Например, Перворожденные, Этериане, Льосальфар? Или же обитатели тёмных миров с плотной атмосферой и чудовищной гравитацией на окраинах известных пространств, те, кого именуют Свартальфар?

Топот впереди. Сверкнули воронёные латы. Стража. Страж вскидывает автоматическую винтовку. Фамулус уклоняется от выстрела. Стреляет в ответ – рефлекторно, резко, быстро, не давая противнику опомниться. Проклятье! Промых! Страж отделался раненым плечом. Бросок. Не дать ему выстрелить! Вдалеке – ещё топот. Сколько их там? Страж и не думает стрелять. Бешеной кошкой бросается на Фамулуса. Бывший инквизитор уходит с линии атаки. Выворачивается. Поднимает пистолет. Выстрел. Слупив краску и цемент, пуля отрикошетила от стены. Шестым чувством Фамулус уловил угрозу откуда-то справа. Ещё трое стражей. Но

стрелять не спешат. Бешено бросаются не него. Фамулус не успевает выстрелить. Раненый страж каким-то невероятным усилием успел добраться до него, ударить по руке с пистолетом. Сумел уклониться от ответного удара. На Фамулуса налетели. Сбили с ног – с грохотом столкнулись силовые латы. Бывший инквизитор, словно надоедливых тварей, отбросил троих. Но раненый страж – до чего силён и живуч, паршивец! – коленом прижал его руку к гладкому полу, не давая выхватить меч. Размахнулся, и хлётко ударил его по лицу, наотмашь, рукой в латной перчатке. Раз, ещё раз.

– Фамулус! Очнись! – страж бешено тряс его за плечи с поразительной силой. Откуда он знает его имя, и почему, во имя Императора, у него женский голос? – Фамулус, слышишь меня?! Именем Господа, Единого Создателя, Владыки миров видимых и невидимых, именем Спасителя Императора и Святой Крови Его, приказываю тебе, слушай меня!

Сила, заключённая в этих словах, прошибла его насквозь. Словно он тонул, а могучие руки схватили и вытянули его из пучины.

Он лежал, не понимая, где находится, и что произошло.

На него, полные безысходного отчаяния смотрели глаза исповедницы Вейл. Она крепко держала его за плечи. От неё веяло силой. Единственный образ, окутанный сиянием, среди хаоса, из которого постепенно начали проступать очертания стен жилых блоков. Серое небо. А также, крики, пальба, грохот сражения.

Вокруг Фамулуса и Вейл яростно переливался золотым и белым светом ментальный щит, окутывающий обоих. Что-то бешено билось в него. Словно зверь, у которого из пасти выдернули добычу.

Фамулус тряхнул головой, приводя в порядок чувства, унимая бешеный ураган эмоций, рвущий его разум.

– Что произошло? – спросил он.

– Мне нужна твоя помощь, брат-инквизитор! – с неподдельным ужасом и отчаянием воскликнула Вейл. – Наши воины, братья... в них словно легионы демонов вселились!

Усилием воли Фамулус заставил чувства вновь служить ему. И не поверил тому, что увидел – словно видел глупый, ужасный сон. Их воины перестреливались друг с другом. Причём лишь девы-рыцари Ордена Девы Милосердной держали хоть какое-то подобие строя и как будто старались братьям не навредить. А вот мужчины, что рыцари, что кнехты, вели себя словно бешеные звери, наплевав на элементарную дисциплину. Они стреляли, набрасывались и на сестёр, и друг на друга, словно перед ними были злейшие враги, а не братья и сёстры, с которыми они делили кров, пищу и вместе проливали кровь в тысячах сражений на тысячах миров. Фамулус видел, как два кнехта сошлись в рукопашной. Сверкали клинки кордов и разводы крови на доспехах. Бывшие братья сцепились как дикие звери.

Фамулусу стало по-настоящему страшно. И тут он заметил, что наплечник сестры Вейл пробит, и на броне, на руке

поблескивают маслянистые разводы крови. И тут он вспомнил... И коридоры подземелий. И бой со стражами. И выстрел, задевший одного из них...

– Это же я тебя так, – с горечью выдохнул он. – Я тебя чуть не убил!

– Это неважно сейчас, – отмахнулась Вейл. – Мы попали под власть какого-то демона. Её голос звучал у меня в голове. Помоги мне, брат.

Фамулус кивнул, встал.

Оба, не сговариваясь, бросились в самую гущу хаоса, громко и ясно нараспев читая "*Ave Imperator*", вкладывая в слова молитвы все духовные и душевные силы, весь огонь веры, который был в них.

Вейл растащила двух кнехтов, наложив руки, по очереди, быстро, на каждого из них, гипнотизируя могучей силой воли и души, успокоила их, приведя в чувство. Парни тупо озирались по сторонам, ничего не соображая, словно оглушённые.

Одного из рыцарей, уже поставившего ногу на ещё сопротивляющуюся, тщётно взывающую к нему деву-рыцаря, Фамулус просто сбил с ног плечом. Рыцарь попытался встать. Фамулус прижал его коленями к земле и обхватил ладонями его голову. Сила, подчинившая человека, сопротивлялась, но Фамулус сумел выдавить её из сознания брата-Ортодокса.

Более сильный волей и духом, рыцарь-монах быстрее пришёл в себя, чем обычный кнехт, и уже помогал Фамулусу и

исповеднице.

Не обошлось без тяжело раненых. Десять кнехтов и пять девушек рыцарей, вступивших в неравный бой с более сильными и тяжеловооружёнными воинами.

– Скорее, уходим! – крикнул Фамулус.

Подбирая раненых, тех, кого ещё можно спасти, поисковая группа поспешила покинуть это проклятое место.

Или Фамулусу показалось, или он услышал тяжёлый, беззвучный крик. Крик, пронзивший его горечью утраты, неизбывной тоской и безнадежностью. А ещё, что страшнее, неутолённым и неутолимым звериным голодом. Фамулус, читая Символ Веры, лишь пошёл быстрее, крепче подхватив обессиленную Вейл...

#

Глухо выл двигатель. Огромный межпространственный корабль слегка потряхивало.

Вейл, сидящая напротив Фамулуса, немного пришла в себя. Медики дали ей успокаивающие препараты, перевязали рану. Она безучастно смотрела куда-то в сторону. Тусклый свет зажигал искорки в её зелёных глазах, подчёркивал восковую матовость кожи резко очерченного, волевого лица, поблескивал на забранных в узел светлых волосах. Фамулус думал, что чем-то она похожа на Викторию. Только, у Вейл было лицо взрослой женщины, многое пережившей, закалённой, волевой. Правую бровь рассекал шрам. Точно такой же

был на подбородке, тянулся до края губ. Но глаза такие же светлые и лучистые. Виктория, ведь, тоже могла стать исповедницей.

– Тебе лучше? – спросил Фамулус.

– Да, спасибо, брат Фамулус, – Вейл слабо улыбнулась, благодарная за заботу, – Только... с чем мы, во имя Императора, столкнулись?

Фамулус помолчал.

– Кое-что вспомнилось из археологических отчётов, – начал Фамулус. – Помнишь мифы о местной богине, верховной владычице того мира?

– Так, – кивнула Вейл с видом, приглашающим Фамулуса говорить дальше.

– Жители Арквилеи называли её Лунной Владычицей и почитали как Праматерь, породившую и сотворившую весь проявленный мир, точнее, соткавшую его из некоей Праматери, – Фамулус немного помолчал и продолжил. – Весь проявленный мир местные считали не более чем покровом снов, укрывающим истинную реальность, которая, в свою очередь открывалась им во снах. И царицей того, истинного, мира и была Лунная Владычица. Местные считали, что когда-то давно люди восстали против своей матери и были выброшены из идеального мира грёз в этот, сотканный, и своей целью они видели возвращение в тот мир. В мир, где страдание и смятение обернётся покоем. Грех – искуплением. Горе – вновь обрётённой радостью.

– Как будто странное отражение нашего предания о Грехопадении и Изгнании из Рая, – хмыкнула исповедница.

– Похоже он универсален для всех ветвей гуманоидных рас. Кстати, помнишь изображение из отчёта?

Фамулус говорил об изображении изящных человекоподобных существ с длинными ловкими конечностями, гибкими телами, и длинными волосами, как у мужчин, так и у женщин. Изображение барельефа на одной из стел дало представление о внешнем облике этих существ. Они, бесспорно, были красивы. А сам барельеф показывал их религиозную церемонию. Нагие, они несли сосуды к каменному алтарю посреди озера, над которым светила полная луна...

– Помню, – кивнула Вейл. – Я понимаю, к чему ты. И, пожалуй, соглашусь. Их странная религия, как мне кажется, и послужила гибелью их расы. Предки арквилейцев увидели в более высокоорганизованном существе, открывшемся им на заре их цивилизации, кого-то, вроде богини. Я читала о таких. Очень страшные и могущественные существа, похожие на вампиров, питающиеся жизненной силой человека. Но взамен они дают исполнение самых заветных желаний. Арквилейцы отдали ей самих себя, растворившись в мире своих снов и мечтаний. Похоже, что под её чары попали и мы.

– Но почему только мужчины отреагировали почти полным подчинением? – удивился Фамулус.

Вейл задумчиво скривила губы, склонив голову.

– Возможно, она сумела подцепить мужчин тем, что в их душе фигура, отвечающая за внутренние силы, бессознательное, за связь с этим глубинным источником психической энергии, имеет женскую сущность. Так называемая Анима. И у каждого она своя. Даже рыцари-монахи с их духовными практиками и строжайшей дисциплиной не всегда могут ей противостоять. А вот с женским Анимусом – так проводника к женскому бессознательному именовал один из древних мудрецов – ей слиться не удалось. Поэтому рыцари Девы Милосердной не подверглись такой мощной психической атаке. Хотя, она старалась. Я тоже слышала её голос. Она говорила, что вернёт мне мать, отца, моих маленьких братишек. Всех их, погибших при бомбардировке Иштвана 2 флотом Ересииарха, – Вейл замолчала, отгоняя непрошенные эмоции, – Но не достучалась. И она приняла решение уничтожить врагов, то есть нас, физически. Вашими руками. Чтобы мы не мешали ей вас медленно сжирать.

Фамулусу стало стыдно и мерзко за себя. За свою слабость.

– Брат Фамулус! – во взгляде Вейл читалась поддержка, сострадание, понимание, – Ни тебе, ни кому бы то ни было ещё из вас, не стоит себя клясть и корить. С нами со всеми было бы то же самое. Противостоять таким демонам могут только высшие Инквизиторы и Экклесииархи. До которых нам всем ещё расти и расти. И не факт, что дорастём.

Повисло молчание.

– Значит, этот мир для нас закрыт, – тихо сказала Вейл. – А жаль.

– Пока что, – ответил Фамулус. Он помолчал и с лёгкой усмешкой добавил: – Такова, значит, цена мечты?

– Я тебя умоляю, брат! – скривилась Вейл. – Разве это мечта? Мечту создают своими руками. Мечта движет вперёд, а не тянет назад. По мне так то, что предлагала эта вампирша – это кошмар, а не мечта! Ад, самый настоящий! Бегство от жизни, от самих себя. Арквилейцы не захотели принимать мир таким, какой он есть, захотели получить всё и сразу. И пошли за иллюзией, принеся в жертву себя самих. Кем они стали? Да не более, чем пищей для ненасытной утробы хищной твари! По-моему, это ужасная судьба.

Они снова помолчали.

– Что решишь, брат Фамулус? – спросила Вейл, пристально взглянув на инквизитора.

– Что говорить об Арквилее? – приподнял бровь Фамулус. – Правду, конечно. Конечно, это не аванпост inferнальных сил, но зараза, которая может прийти оттуда, пострашнее будет. Мы же всегда хотим всего и сразу. Часто жалеем о том, что жизнь нельзя отмотать назад. Легче закопаться в прошлое, чем идти вперёд. А для нас это неприемлемо. Для нас путь назад – это смерть.

– Так ты будешь выступать за его Очищение? Подпишешь приказ о применении Пламени Гнева?

– Нет.

– Почему?

– Потому что, тем не менее, он может многому научить и многое дать, – мрачно сказал инквизитор. – Но не сейчас.

Дальше они молчали.

Корабль упрямо прокладывал свой путь сквозь бездну бесконечного космоса. Домой.

[1] Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох – они успокаивают меня.

Доброй Охоты

– Ну что, решили активно отдохнуть, мистер Грэй? – улыбнулся управляющий.

– Ага! В кои-то веки, отпуск! Вот, решил, с женой на этот раз съездить! – миллиардер с едва заметной сединой на висках, гладко выбритый, с блеском в глазах, который свидетельствовал о том, что мужчина с утра принял для храбрости, белозубо улыбался в ответ. Он оправил камуфлированную куртку и вновь положил крупные ладони в беспалых перчатках на гладкую кожу руля. Холеные, после маникюра, пальцы постукивали по "баранке", пока управляющий проверял документы – разрешение на оружие, на охоту и пропуск. – Хочу тряхнуть стариной, косточки размять. Да и развеяться после рутины не мешает. А то сплошные совещания, отчеты, доклады...

– Не страшно с женой? – он подбородком указал на спутницу миллиардера, – Дама все-таки, а здесь – дикие земли!

– Не страшно! – мистер Грэй бросил по-хозяйски нежный взгляд на смазливую блондинку, сидящую у него на пассажирском сидении лэнд ровера. Камуфляж ей шел явно меньше, чем мини-бикини, или вечернее платье. Но, вид у дамочки был решительный, и юная хищница, лет на двадцать моложе своего мужа, явно жаждала крови. – Анастейша давно просила меня свозить в какое-нибудь экзотическое место на

экзотический отдых.

– Скучно же на пляже валяться! – выпятила губки девушка, осматривая покрашенные ногти, – Мне хочется чего-нибудь новенького и запоминающегося!

Управляющий хмыкнул и протянул Грэю документы.

– Уверен, вы получите массу удовольствия и приятных впечатлений, – услужливо ответил он. – Все в порядке, мистер Грэй. Вот вам пропуск – езжайте на КПП, вас там пропустят. Нужен ли проводник?

– Нет, спасибо, – сказал Грэй. – Я сам справлюсь.

– Тогда, счастливой охоты!

– Благодарю!

Зона Диких Земель встретила богатую пару тишиной, разлитой по окрестностям. Шины лэнд ровера шуршали по неухоженной проселочной дороге, поросшей диким кустарником. Над головой угрюмо нависали вышки ЛЭП с оборванными проводами. Вдалеке синел дикий лес.

Со времен Второй Великой Депрессии и Последней Войны в этих землях почти никто не жил. За исключением неудачников, которые не смогли встроиться в Новый Порядок. При мысли о них, у Грэя возникали смешанные чувства безразличия и презрительной жалости. После войны всем было трудно. Но, одни использовали любые шансы, работали не покладая рук, вертелись, как могли. Искали связи, боролись. Да, порой, шли по головам, но жить-то надо! И, как

он, Найджел Грэй, сумели вырваться на место под солнцем. А другие предпочли ничего не делать и прозябать в полуживотном состоянии. Это их выбор. Это их путь. И пусть, теперь они расплачиваются за него. Они сами выбрали место на нижних ярусах пищевой пирамиды. Новое мировое правительство привозит, иногда, в Зону гуманитарную помощь. И, поскольку, местным оборванцам платить за нее нечем, и предложить взамен они ничего не могут, пусть, платят натурой и развлекают нормальных людей, как могут.

– Вон там! – Анастейша указала пальчиком вперед.

Грэй присмотрелся. Точно! Три фигурки. Крупная, поменьше, и совсем маленькая!

Миллиардер хищно усмехнулся. Начало неплохое. Целый выводок. Вероятно, вышли в лес, в поисках пищи. Но совершили ошибку, забыв о хищниках!

– Доставай карабин, детка! Помнишь, как я учил тебя стрелять?

Анастейша очаровательно улыбнулась и достала из-за спины кресла оружие с блестящим черным стволом и новейшим оптическим прицелом.

– Бить насмерть, или одного ранить? – спросила она своим тонким, нежным голосом.

– Как хочешь, любимая, – нежно ответил Грэй. – Они все твои.

Миллиардер ударил по газам, а его супруга высунулась в специально оборудованный люк, готовясь стрелять.

Одна из черных фигурок настороженно вскинула голову, остановила остальных.

Отец семейства, его сука и щенок. В последний раз охота за такими доставила массу удовольствия! Конечно, пришлось за ними побегать, но оно того стоило. В конце, правда, добыча умоляла забрать только его жизнь, и пощадить его суку и щенка, скулила, цеплялась окровавленными лапами за новую форму... Грэй нравилось, когда добыча хоть как-то сопротивляется, а тут... жалкое зрелище было. Добил он этого хлюпика безо всякого сожаления. А суку и щенка оставил Анастейше. И его девочка не подвела. Правда, рука дрогнула, когда она дорезала скулящего щенка – но она же женщина, а женщинам позволительна некоторая слабость.

Анастейша выстрелила! Промах!

Добыча оказалась не так проста, как казалось. В стекло что-то ударило, оставив паутинку трещин. Проклятье! Да они стреляют!

Грэй ощутил, как в нем закипела ярость – твари смеют так сопротивляться. Но ничего, рано или поздно, они попадутся им в руки. Тогда, пусть не рассчитывают на легкую смерть!

Он сильнее дал по газам. Лэнд ровер затрясло по кочкам. А добыча быстро и умело скрылась в лесу.

Грэй выругался.

Машину пришлось оставить на опушке. По лесу за добычей не проедешь.

Осмотревшись, Грэй презрительно хохотнул:

– Смотри, дорогая, они даже следы не подумали скрыть!

– Страшно же, – расплылась в хищной улыбке девушка, сжимая карабин.

– Ну так не будем мучить добычу неопределенностью, – улыбнулся Грэй.

И они поспешили в лес, следуя по следу примятого кустарника и обломанных веток.

Шок от удара прошел, и Грэй увидел лежащую рядом Анастэйшу. Она лежала ничком, в грязи, пронзенная кольями, острия которых торчали у нее из спины. Голубые глаза остеклянели, между раскрытых накрашенных губ, поблескивали жемчужные зубки, покрытые кровавыми разводами как новомодным лаком, и под щекой ее уже собралась небольшая темная маслянистая лужица.

Как такое могло быть?! Эти твари что, завели их в ловушку?!

Этого не могло быть! Добыча не может сопротивляться! Добыча не должна сопротивляться! И, уж конечно, не может победить!

Однако, похоже, добыча победила, и хищник оказался отданным на милость ей.

Грэй попробовал встать. Ноги пронзила чудовищная боль. Проклятье! Открытый перелом!

Миллиардер завыл и рухнул наземь.

Легкий шорох. На миллиардера упала тень, заслонившая лучи солнца, льющиеся сквозь ветви.

Он встал над ним – не жалкий оборванец, нет, – это был рослый, худощавый мужчина в армейской бандане, в камуфляже. Худое, суровое лицо покрывала трехдневная щетина. В крепких руках он сжимал топор. Но самым страшным в нем были глаза. Нет, в них не было злобы, или ярости. Просто, спокойная, холодная, ровно горящая ненависть.

– Послушай, – прохрипел Грэй, – я понимаю тебя! Но давай как-нибудь договоримся!

Мужчина стоял над ним и спокойно ненавидя смотрел ему в глаза. За ним, прижимая к себе ребенка стояла молодая женщина, так же в армейской форме, с убранными под бандану волосами. В ее глазах, синих, как осколки льда, так же угадывалась холодная ненависть.

– Ты же знаешь правила игры, – бормотал Грэй. – Есть хищники, есть добыча. Добыча – те, кто оказался внизу пищевой цепи, кто не приспособился! Все честно! Но ты победил, ты показал, что такой же хищник! Я могу помочь тебе! Я дам тебе денег! Много денег! Ты устроишься! Да хоть бы и проводником! И семью устроишь! Я помогу! Я думаю, это честная сделка! Это шанс! Что скажешь?

На мгновение, Грэю показалось, что в глазах мужчины блеснул интерес.

– Да, ты прав, я знаю правила, – ответил он.

Грэй облегченно вздохнул.

– И по правилам, хищник не договаривается с жертвой.

Грэй не успел ничего сказать – только с шумом втянул воздух, когда мужчина замахнулся и обрушил топор ему на голову.

– Тише, тише! Все кончилось! Мама и папа с тобой! – успокаивал он сына, когда тот бросился ему на руки, судорожно обнимая его шею и дрожа всем телом.

– Что теперь? – спросила жена, собрав оружие и патроны с тел.

– Придут новые, – ответил он, обнимая сына. – Мы должны быть готовы. Для этого нашему ополчению нужно оружие, как у них, и машины. Пора прекращать прятаться и самим выходить на охоту.

– Рано или поздно они пришлют сюда войска, – задумчиво проговорила жена.

– К тому времени мы уже будем готовы, – тихо отозвался муж. – Пойдем, надо отогнать в деревню их машину. Мастера сделают из нее броневик.

С этими словами, он зашагал к опушке.

Его жена и сын скоро последовали за ним, оставляя за спиной трупы миллиардера и его жены.

Левиафан

Небо было таким же серым и безжизненным, как и растилающееся под ним море. Холодные волны, будто судороги умирающего чудовища, скребли серый песок пляжа, обдуваемого ледяным ветром, бросали горьковатые брызги, сорванные ледяными пальцами ветра в худощавое лицо стоящего на берегу человека. Человека, затянутого в камуфляж, в рыбацкой шапочке на темных, взлохмаченных волосах, напряженно всматривающегося в серую даль, туда, где воды сливались с тяжёлой твердью небесной.

Человека звали Альбатрос, и его душа рвалась туда, где небо и воды сливались воедино, где заканчивалась та узкая полоска, что принадлежала человеку и начиналась мертвенная, полная немой угрозы глубина.

Альбатрос оправил на плече тяжелый гарпун со свернутым приложенным к нему канатом, взял китобойные снасти, и зашагал к оставленной у берега моторной лодке – единственной, какая была в рыболовецкой деревне, прижавшейся к изгибу морского побережья, точно прокаженный к церковной ступеньке.

Сегодня он решил.

Решился заплыть дальше, чем когда-либо. Дальше, чем позволяли себе другие рыбаки с их парусными лодками – мотор был настоящей роскошью в мире после Великой Скорби.

Многие звали его одержимым. И отчасти это было истиной. Потому что единственное, что по-настоящему влекло его в море был Левиафан. Чудище, что обитало в темных морских глубинах, там, далеко, в серой мгле, клубящейся жирными тучами, сквозь которые едва лился мертвенный солнечный свет, болезненно сверкающий на изгибах свинцовых безжизненных волн. Альбатроса не пугали гигантские акулы, медузы-убийцы и прочие твари, порожденные радиацией и смертоносными вирусами – для них у него были припасены топоры, клевцы и копья, смастеренные из штык-ножей. А против убийц с небес у него всегда были припасены каленые стрелы из мощных самострелов. Да они его и не волновали. Единственное, чем он жил, была мечта – убить Левиафана. Огромную тварь, обитавшую в бессветных глубинах. Тварь, о которой ходили легенды, рассказываемые долгими ночами у тусклого очага деревенского кабака. Тварь, что, по преданиям, должна была появиться на свет в Конце Времен, и которая станет пиром для праведных. Разве нельзя назвать праведниками переживших дыхание Великой Скорби? Разве не заслуживали они утоления голода на пиру Последних Времен? И именно он хотел быть тем, кто достанет вдоволь пришествянного блюда для голодных, умирающих людей.

– Постой! – торопливые шаги по песку. Хрипловатый голос, тонкий, похожий на пение скрипки деревенского менестреля.

– Я же просил, не приходить, – он попытался быть стро-

гим, но с ней него это не получалось.

Он обернулся. Хмуро глянул на невысокую, худощавую женщину, закутанную в темное тряпье. Высокоскулое лицо было бледным. С него смотрели большие темно-синие глаза, а испод грубого платка выбивались каштановые пряди. В глазах плескалась неподдельная боль, тревога и безнадежность.

– А ты обещал, что оставишь свою блажь, – парировала женщина. – Ты обещал, что и думать забудешь о своей твари из глубин.

Мужчина потупил взор. Альбатрос почувствовал, как в груди шевельнулось жгучее чувство, которое всего на мгновение затмило мучительную одержимость. Но всего лишь на мгновение.

– Прости, Ира. Это оказалось выше моих сил. Я не хочу сойти с ума от того, что я не сделал то, что должен был.

– Кому должен? – голос женщины дрогнул. – А я для тебя ничего больше не значу? Хоть когда-нибудь значила?

Альбатрос виновато потупился.

– Я не могу иначе, – тихо сказал он. – Если я откажусь, я возненавижу себя и тебя.

Ира отшатнулась, будто от пощечины.

– Что если тебя унесет в океан? Что если ты не найдешь пути назад? Что если тебя сожрут акулы, или морские крыланы? Что если тебя утянет на дно твое чудище?

Альбатрос молчал. А Ира не ослабляла натиск.

– Ты хоть знаешь, где его искать и как убить? Ты уверен, что это чудовище не плод больного воображения пьяных рыбаков, дрожащих в ужасе от темных глубин океана?

Альбатрос молчал, потупив взгляд. Он не боялся морских тварей и темных глубин, таящих в себе лютую смерть. Но взгляда Иры, полного боли и упрека, полного любви, он боялся. Боялся, что увидит в нем отражение собственной вины и упреков самому себе. А это уничтожит его мечту, а с нею и его самого.

– Он есть, Ира. И я слышу ночами, как он глухо поет в морских глубинах. И эта песня зовет меня. Я сойду с ума, если не откликнусь на нее.

Женщина неотрывно смотрела на него, и по ее впалым щекам текли слезы.

– Неужели я для тебя значу меньше, чем полумифическая тварь?

– Ты все знаешь, Ира...

С этими словами, не дожидаясь ответа, он столкнул лодку в море. Резиновые высокие сапоги не пропускали влагу, но не уберегли от мертвящего жгучего холода безжизненных заражённых вод.

Он вскочил в лодку. И только собравшись заводить мотор, приготовившись не слушать протесты и угрозы, мольбы и упреки, он услышал то, что ожидал меньше всего, и то, что хлестнуло его сильнее и больнее, чем самый горький упрек. К горлу подкатил ком, а руки дрогнули, когда, сквозь жалоб-

ные всхлипы женщины он услышал:

– Я буду тебя ждать...

Сглотнув подкативший к горлу ком, он дернул за шнур, заведя мотор, и устремил взгляд вперед, в серую, свинцовую зыбь.

Лодка пошла вперед, разрезая темные волны.

В лицо бил едкий, холодный ветер, чей вой перекрывал хриплый рев мотора.